

Поль Брантон

**ПУТЕШЕСТВИЕ
В ТАЙНУЮ ИНДИЮ**

«СФЕРА»

Москва 2002

ББК 87.3

Б 11

Перевод с английского:

Н.Б. Овсякова

Поля Брантон

Б 11 **Путешествие в тайную Индию.** Перев. с англ.
— М.: Сфера, 2002. — 416 с.

Имя журналиста и писателя Поля Брайтона, чьи книги во всем мире всегда расходились огромными тиражами, известно уже более 60 лет.

Предлагаемая Вам книга — это история его странствий по всей Индии в поисках святых людей, йогов и магов и общения с ними. На её страницах Вы повстречаетесь с самыми удивительными людьми, достойными звания духовных светочей человечества.

Особое место в книге занимают главы о духовном гурӯ автора — Шри Раманой Махарши, мудрецом со священной горы Аруначалы, одним из последних наследников великих Риши. Незабываемый духовный опыт, полученный Брайтоном в медитациях у ног Учителя, произвел на него неизгладимое впечатление и повлиял на всю его дальнейшую жизнь. После выхода (в 1934 году) этой книги имя Шри Раманы Махарши стало широко известно во всем мире.

ISBN 5-93975-066-4

© Издательство «Сфера» — перевод, оформление, 2002.

Глава 9

ХОЛМ СВЯЩЕННОГО ОГНЯ

В Мадрасе, на конечной станции Южно-Индийской железной дороги, Субраманья и я садимся в цейлонский поезд, расписание которого согласовано с пароходным расписанием. Несколько часов перед нами мелькают самые разные пейзажи. Зеленые полосы рисовых всходов чередуются с мрачными красными холмами, тенистые плантации величавых кокосовых пальм снова сменяют рисовые поля, на которых видны отдельные фигурки крестьян, занятых тяжким трудом.

Я смотрю в окно до наступления сумерек, быстро опустившихся на ландшафт, тогда я отворачиваюсь и задумываюсь совсем о другом. Я удивлен странными событиями, которые произошли со мной с тех пор, как я надел золотое кольцо, которое подарил мне Брама.— Мои планы изменились; стечение неожиданных обстоятельств имело результатом мою поездку на далекий Юг вместо далекого Востока, как я намеревался. «Возможно ли,— спрашиваю я себя, — что камень в золотых лапках на самом деле обладает мистической силой, как уверял йог?» Несмотря на то, что я стараюсь быть открытым таким мыслям, трудно для любого западного человека с научным воспитанием ума доверять им.

Я гоню эти размышления, но не в силах рассеять неопределенность, которая скрывается за ними. Почему мои стопы так странно направляют к горному отшельнику, куда я следую? Почему два человека, оба в желтых одеждах, соединились как посланцы судьбы и, несмотря на мое сопротивление, обратили мой взор к Махарши? Я использую слово «судьба» не в общепринятом значении, но не вижу лучшего. Прошлой опыт достаточно хорошо научил меня, что временами, по-видимому, несущественные события играют неожиданную роль в создании картины единой жизни.

Мы оставляем поезд, а с ним и главную ветку в сорока милях от Пондишери, трогательного остатка французских территориальных владений в Индии, и отправляемся к тихой и редко используемой линии железной дороги, которая ведет внутрь страны, и ждем почти два часа в полумраке незащищенной от ветра комнаты ожидания. Святой человек расхаживает вдоль еще более открытой ветрам внешней стороны платформы, и его высокая фигура в звездном свете выглядит полупрозрачной. Наконец запаздывающий поезд, который изредка пускает клубы дыма, забирает нас. В нем только несколько других пассажиров.

Я впадаю в полудремотное состояние на несколько часов, пока мой спутник не будит меня. Мы сидим на маленькой железнодорожной станции, и поезд со скрежетом и неистовыми гудками скрывается в безмолвной тьме. Ночь еще не кончилась, и поэтому при свете тусклой керосиновой лампы мы сидим в бедной и неудобной комнатке ожидания.

Мы терпеливо ждем, пока день борется с тьмой за господство. Когда наконец бледный рассвет наступает, вползая постепенно сквозь маленькое зарешеченное окошко в задней части нашей комнаты, я всматриваюсь в те части окрестностей, которые на-

чинают становиться видимыми. Из утренней дымки поднимаются неотчетливые очертания одинокого холма, по-видимому, находящегося приблизительно в нескольких милях. Его подножие впечатляюще обширно, да и сам он весьма широкий, а его вершина, закутанная в плотный рассветный туман, пока не видна.

Мой проводник разыскивает человека, который громко храпит на своей очень маленькой повозке, в которую впряжены буйволы. Парочка окриков возвращает возницу к земному существованию, и он готов нам помочь. Узнав о месте нашего назначения, он, кажется, еще больше жаждет везти нас. Я пристально гляжу с некоторым сомнением на узкий наемный экипаж — бамбуковый навес, балансирующий на двух колесах. Кое-как мы забираемся на него, а возница привязывает сзади багаж. Йог ухитряется ужать себя на своем месте до минимума, я пригибаюсь под низким навесом, свесив ноги; возница садится на скамейке между буйволами, почти касаясь подбородком колен, — и проблема размещения разрешена более или менее удовлетворительно. Мы просим его ехать.

Мы едва тащимся, несмотря на все усилия пары крепких маленьких белых буйволов. Эти очаровательные существа крайне полезны как тягловые животные внутри Индии, ибо они лучше лошадей переносят жару и менее прихотливы в еде. Обычай мирных деревень и маленьких городков страны во внутренней жизни не очень сильно изменился на протяжении веков. Повозки, запряженные буйволами, которые перевозили путешественника с места на место за сто лет до нашей эры, по-прежнему перевозят его и две тысячи лет спустя.

Наш возница с лицом цвета кованой бронзы очень гордится своими животными. Их длинные, красиво закрученные рога украшены приятной формы позо-

лоченным орнаментом; а к их тонким ногам привязаны медные колокольчики, позванивающие при каждом шаге. Он управляет ими с помощью поводьев, пропущенных через их ноздри. Пока их ноги рысцей весело бегут по пыльной дороге, я наблюдаю быстрый приход живого тропического рассвета.

Привлекательный пейзаж вырисовывается как слева, так и справа от дороги. Это не тускло-коричневая равнина, ибо возвышенности и холмики подолгу не исчезают из поля зрения всякий раз, когда один попадает на линию горизонта. Дорога пересекает участок красной почвы, усеянной точками низкорослого колючего кустарника, и несколько ярких изумрудных рисовых полей.

Крестьянин с безмерно усталым от тяжелого труда лицом проходит мимо нас, отправляясь, без сомнения, на долгий рабочий день на поля. Вскоре мы обгоняем девушку с медным кувшином для воды на голове. Только ярко-красное одеяние обернуто вокруг ее тела, но ее плечи остаются обнаженными. Кровавого цвета рубин украшает ее ноздрю, а пара золотых браслетов блестит на руках в слабом свете утреннего солнца. Чернота ее кожи выдает, что она из дравидов, — как, вероятно, большинство обитателей этих краев, за исключением брахманов и мусульман. Эти дравидские девушки обычно веселые и счастливые от природы. Они куда разговорчивей своих коричневых соотечественниц, а их голоса — музыкальнее.

Девушка пялит на нас глаза с непритворным изумлением, и я догадываюсь, что европейцы редко посещают эту часть страны.

Наконец мы приезжаем в небольшой городок. Его зажиточные на вид дома располагаются вдоль улиц, которые сбегаются с двух сторон к огромному храму. Последний, если я не ошибаюсь, — около четверти мили длиной. Я получаю некоторое

представление о его массивной архитектуре чуть позднее, когда мы подъезжаем к одним из его широких ворот. Мы останавливаемся на одну или две минуты, и я заглядываю внутрь и получаю мимолетное впечатление об этом месте. Никогда прежде я не видел подобного сооружения. Огромный внутренний лабиринт строений окружен широким четырехугольным двором. Мне понятно, что четыре высоких стены двора обжигались и окрашивались в течение сотен лет под воздействием свирепого тропического солнца. В каждой стене есть одни ворота, и над ними поднимается причудливая надстройка в виде гигантской пагоды. Позднее она показалась удивительно похожей на витиеватую, украшенную скульптурными работами пирамиду. Нижняя часть построена из камня, но верхняя представляется кирпичной кладкой, покрытой густой штукатуркой. Пагода разделена на множество этажей, но вся поверхность обильно украшена разнообразными резными фигурами и узорами. Вдобавок к четырем башням ворот я насчитываю еще не менее пяти внутри храма. Как удивительно их очертания напоминают одну из египетских пирамид!

Напоследок я замечаю длинную крытую аркаду из сомкнутых рядов многочисленных каменных колонн огромного центрального двора, слабо освещенные усыпальницы, темные коридоры и множество небольших строений. И намечаю себе вскоре исследовать это интересное место.

Буйволы трогаются, и мы снова выезжаем на равнину. Места, которые мы проезжаем, очень живописны. Дорога покрыта красной пылью; по обе ее стороны растут низкие кустарники и редкие группы высоких деревьев. Много птиц скрывается в их ветвях, я слышу шелест их крыльев, а заодно и последние нотки прекрасного хора их утренней песни, замирающей над миром.

На нашем маршруте встречается несколько очаровательных маленьких придорожных святилищ. Различие архитектурных стилей поражает меня, но вскоре я делаю вывод, что это — прямое следствие смены эпох. Некоторые весьма причудливо и чрезмерно украшены искусно сделанной резьбой в обычной индусской манере, но большие храмы поддерживаются гладкими колоннами, которые я видел в Индии только на юге. Есть даже два или три святилища классической — почти греческой — строгости линий.

Я прикидываю, что мы проехали около пяти или шести миль до подножия холма, чьи очертания я видел от станции. Он поднимается красно-коричневым гигантом в прозрачном утреннем свете. Туман уже рассеялся, открыв широкие очертания вершины холма на фоне неба. Эта обособленная гористая часть страны из красной земли и коричневых скал, бесплодная по большей части, с широкими полосами пространства, почти лишенными растительности, и с грудями расколотых камней и громадными валунами, разбросанными в беспорядке.

— Аруначала! Священная Красная гора! — восклицает мой компаньон, перехватывая мой взгляд. Пылкий восторг написан на его лице. Он на мгновение впадает в экстаз, подобно средневековому святому.

Я спрашиваю его:

— Что означает это название?

— Я как раз и сказал его смысл, — отвечает он с улыбкой. — Название состоит из двух слов «Аруна» и «Ачала», что означает — красная гора, такое же имя главного божества храма, а его полный перевод — «священная красная скала».

— В таком случае, где священный огонь?

— А! Раз в году храмовые жрецы отправляют службу главного праздника. С началом его внутри

храма и на вершине горы разжигается гигантский огонь, его пламя поддерживается огромным количеством масла и камфары. Этот огонь горит в течение многих дней и виден на множество миль вокруг. Кто бы ни увидел его, сразу простираются перед ним ниц, поскольку он является символом того, что священная земля горы находится под защитой великого Божества.

Теперь холм башней возвышается у нас над головами. Он не лишен сурового великолепия, этот одинокий пик, украшенный красными, коричневыми и серыми валунами, вонзающий плоскую главу на тысячи футов в небо жемчужного цвета. То ли слова святого человека повлияли на меня или по другой необъяснимой причине, во мне возникает странное чувство благоговейного страха, когда я пристально смотрю, изумляясь, на крутые склоны Аруначалы, размышляя о живописности священной горы.

— Знаете, — шепчет мой спутник, — эта гора не просто почитается священной землей, но местные традиции утверждают, что боги поставили ее обозначить духовный центр мира!

Этот кусочек легенды заставляет меня улыбнуться. Как это наивно!

Наконец мы приближаемся к жилищу Махарши. Мы сворачиваем с дороги и по неровной тропе спускаемся к густой рощице кокосовых и манговых деревьев. За рощей тропа неожиданно обрывается перед незапертыми воротами. Возница спускается, открывает ворота, а затем заезжает на большой немощеный двор. Я вытягиваю сведенные судорогой конечности, спускаюсь на землю и оглядываюсь. Уединенное владение Махарши впереди окружает густая чаща деревьев и непроходимый сад; сзади и по бокам его защищает живая изгородь кустов и кактусов, которые тянутся на запад кустарником и переходят в джунгли, которые производят впечатле-

ние густого леса. Это самое живописное место на нижнем отроге холма. Уединенное и в стороне, оно является подходящим для тех, кто, следуя по намеченному пути, стремится к размышлениям на глубокие темы.

Два небольших строения с соломенными крышами занимают левую часть двора. К ним примыкает длинное современное здание, и его крыша из красной черепицы резко переходит по традиции в нависающие карнизы. Маленькая веранда увеличивает в ширину часть фасада.

Центр двора обозначен большим колодцем. Я слежу, как обнаженный по пояс мальчик с темной, почти черной, кожей медленно вытаскивает ведро воды с помощью сломанной ручки лебедки.

На шум нашей повозки во двор выходят из построек несколько человек. Их одежда крайне разнообразна. На одном — только набедренная повязка, зато другой одет в роскошный костюм из белого шелка. Они вопросительно смотрят на нас. Мой проводник широко ухмыляется, очевидно, наслаждаясь их изумлением. Он проходит мимо них и что-то говорит на тамильском. Выражение их лиц мгновенно меняется, они начинают улыбаться в унисон и выражать мне свое удовольствие. Мне нравятся и их лица, и их отношение.

— Мы сейчас пойдем в приемную Махарши, — объявляет мой проводник и просит меня пройти за ним. Я останавливаюсь перед открытой каменной верандой и снимаю обувь. Затем достаю немного фруктов, которые я принес как подношение, и прохожу в открытую дверь.

* * *

Двадцать коричневых и черных лиц обращаются в нашу сторону и, поблескивая глазами, взирают на

нас. Их владельцы полукругом сидят напротив двери на полу, выложенном красной плиткой, на почетительном расстоянии от дальнего правого угла. Повидимому, до нашего прихода все были обращены лицами к этому углу. Я бросаю туда быстрый взгляд и различаю сидящую фигуру на длинном белом диване и понимаю — передо мной Махарши.

Мой проводник приближается к дивану, prostирается ниц на полу и закрывает глаза ладонями.

Диван стоит всего в нескольких шагах от широкого высокого окна в конце стены. Яркий свет падает на Махарши, и я рассматриваю в деталях его профиль, пока он, не отрываясь, смотрит в окно в том направлении, откуда мы пришли этим утром. Его голова неподвижна. С намерением встретить его взгляд и поприветствовать, я тихо иду к окну, кладу перед ним дары и отступаю на шаг или два.

Маленькая медная жаровня перед его ложем наполнена горящими углями, и приятный запах говорит мне, что некоторое количество ароматического порошка брошено на тлеющую горячую золу. Рядом с нею курильница с пахучими палочками. Нити голубовато-серого дыма поднимаются и плывут по воздуху, но их пикантный аромат совсем другой.

Я раскладываю на полу тонкое хлопковое одеяло и сажусь, выжидающе глядя на молчаливую фигуру, застывшую в такой неподвижной позе. Тело Махарши почти обнажено, лишь на бедрах тонкая узкая повязка, обычная для этих краев. Кожа легкого медного оттенка намного светлее по сравнению с кожей среднего жителя Южной Индии. Я предполагаю, что он — высок ростом, и лет ему около пятидесяти. Его голова с аккуратно подстриженными седыми волосами — хорошей формы, высокий и широкий лоб свидетельствует о высокой интеллектуальности его личности. Причем черты лица скорее европейские, нежели индийские. Таково мое первое впечатление.

Диван покрыт белыми подушками, а ноги Махарши покоятся на великолепной тигровой шкуре.

Глубокое молчание властвует над всем длинным залом. Мудрец все так же спокоен и неподвижен, наш приход совсем не взволновал его. Смуглый ученик сидит на полу сбоку от дивана. Он нарушает покой, дергая веревочку опахала, сделанного из бамбуковой циновки. Опахало закреплено на деревянной перекладине и подвешено прямо над головой мудреца. Я слушаю ритмичное хлопанье и неотрывно смотрю в глаза сидящего человека, надеясь уловить их реакцию, ибо темно-карие, среднего размера глаза широко открыты.

Если он и сознает мое присутствие, то не выдает этого ни намеком, ни знаком. Его тело сверхъестественно спокойно и неподвижно как статуя. Ни разу он не ответил на мой взгляд, продолжая смотреть в отдаленное пространство, и кажется оно бесконечно далеким. Эта сцена мне что-то странно напоминает. Где я видел подобное? Я роюсь в портретной галерее памяти и вспоминаю Мудреца, Который Никогда Не Говорит. Этого отшельника я посетил в изолированном домике близ Мадраса, и неподвижность его тела так же напоминала каменную статую. Любопытное подобие этой непривычной неподвижности тела я теперь вижу у Махарши.

В источниках существует древняя теория, что можно составить представление о душе человека по его глазам. Но перед глазами Махарши я смущаюсь, озадаченный и сбитый с толку.

Минуты текут невыразимо медленно. Сначала они отмеряют полчаса на часах, которые висят на стене хижины отшельника; проходят и они, становясь целым часом. Однако никто из собравшихся не двигается; и, конечно, никто не осмеливается заговорить. Я достигаю точки визуальной концентрации, когда забываю о существовании всего, кроме этой

молчаливой фигуры на диване. Принесенные мною фрукты остаются нетронутыми на маленьком резном столике перед ним.

Мой проводник не предупреждал меня, что его Мастер примет меня так же, как и Мудрец, Который Никогда Не Говорит. Внезапно приходит мысль, что такой странный прием показывает полное равнодушие. Первое, что пришло бы на ум любому европейцу: «Может быть этот человек просто позирует для своих приверженцев?» — дважды или трижды мелькает и у меня в голове, но вскоре я отказываюсь от этой мысли. Он определенно в состоянии транса, хотя мой проводник не сообщал о пребывании в трансе его Мастера. Следующий вопрос, который возникает: «Это состояние мистического созерцания не просто ли бессмысленная безучастность?», — он держится дольше потому, что я просто не могу ответить на него.

Что-то в этом человеке удерживает мое внимание, как магнит — стальные опилки. Я не в силах отвести от него взгляд. Мое первоначальное замешательство, растерянность человека, которого не замечают вовсе, постепенно исчезает, и странное очарование все настойчивее охватывает меня. К концу второго часа удивительной сцены я начинаю осознавать необъяснимые, неотвратимые изменения, которые произошли в моем сознании. Один за другим исчезают вопросы, которые я готовил так тщательно и дотошно. Уже неважно, получу ли я ответы, и неважными кажутся проблемы, которые доселе тревожили меня. Я знаю только, что устойчивый поток спокойствия, по-видимому, течет ко мне, что великое умиротворение проникает в мое существо и что мой измученный мыслями мозг начинает приходить в состояние некоторого покоя.

Сколь мелкими кажутся вопросы, которые я так часто задавал себе! Сколь ничтожной представляется-

са панорама потерянных лет! Я осознаю с неожиданной ясностью, что ум сам создал себе проблемы, и затем сделал себя несчастным, пытаюсь решить их. Это неизвестное понятие входит в разум человека, который до сих пор считал интеллект самым высоким достоинством.

Я все больше поддаюсь неуклонному усилению чувства спокойствия, пока проходят два часа. Течение времени уже не вызывает раздражения, и я чувствую, как цепи интеллектуальных проблем сломаны и отброшены. И затем мало-помалу новые вопросы занимают пространство сознания.

«Разве этот человек, Махарши, не излучает аромат духовного покоя, как цветок — аромат своих лепестков?»

Я не считаю себя компетентным в вопросах духовности, у меня — своя реакция на окружающих. Это появившееся подозрение, что мистический покой, который возник во мне, может быть отнесен к географическому положению места, где я сейчас нахожусь, — просто моя реакция на личность Махарши. И я задаюсь вопросом, каким образом — то ли какой-то радиоактивностью души, то ли неким неизвестным телепатическим процессом — пришло ко мне это состояние. Однако он по-прежнему совершенно невозмутим и кажется совсем не сознающим мое настоящее присутствие.

Происходит первое волнение. Кто-то приближается ко мне и шепчет на ухо:

— Вы не хотите задать вопрос Махарши?

Он просто потерял терпение, этот мой бывший проводник. Скорее всего, он считает, что я, беспокойный европеец, достиг предела своего терпения. Увы, мой любознательный друг! Поистине, я пришел сюда задавать вопросы твоему мастеру, но теперь... Я, который в мире с миром и с самим собой, на каком основании буду забивать свою голову вопро-

сами? Я чувствую, что корабль моей души начинает соскальзывать со своих якорей; удивительное море ожиданий будет пересечено; вы же вернули меня назад к шумному порту этого мира, и именно в тот миг, когда я собирался отправиться в великое приключение!

Но чары разбиты. Как будто по сигналу этого неудачного вмешательства люди поднимаются с пола и начинают ходить по залу, голоса достигают моих ушей, и — чудо из чудес! — темно-карие глаза Махарши моргают раз или два. Затем его голова поворачивается, лицо медленно, очень медленно приходит в движение и наклоняется вниз. Через несколько мгновений я попадаю в поле его зрения, и впервые непостижимый взгляд мудреца останавливается на мне. Очевидно, что он только что вышел из долгого транса.

Проводник, предполагая, что я не реагирую, потому что не слышу, громко повторяет свой вопрос. Но в блестящих глазах, которые мягко смотрят на меня, я читаю другой — безмолвный — вопрос.

«Неужели — может ли это быть — вам еще досаждают сбивающие с толку сомнения, когда вы узрели на миг глубокое спокойствие ума, которого вы — и все люди — могут достичь?»

Чувство покоя заполняет меня. Я поворачиваюсь к проводнику и отвечаю:

— Нет. Я ничего не хочу спрашивать сейчас. В другой раз...

Я чувствую, что мне нужно объяснить свой визит — не Махарши, а оживившейся маленькой толпе. Я узнаю из объяснений моего спутника, что лишь немногие из этих людей — постоянные ученики, а все остальные — посетители из окрестных поселков. Довольно странно, что в этот момент мой проводник встает и делает собравшимся необходимые пояснения на тамильском очень пылко, с бурной жес-

тикуляцией. Я подозреваю, что в его объяснение примешивается немного небылиц к фактам, ибо оно вызывает крики удивления.

* * *

Полдневная трапеза закончена. Солнце немилосердно нагревает воздух до такой температуры, которой я прежде никогда не испытывал. Ведь мы почти на широте экватора. Снова я радуюсь благоприятному климату Индии. Он не способствует деятельности, большинство людей исчезают в тенистых рощах на сиесту, а потому я могу подойти к Махарши без лишних предуведомлений или суеты.

Я вхожу в большой зал и сажусь возле него. Он полулежит на белых подушках дивана. Помощник постоянно дергает веревку опахала. Тихий шорох веревки и мягкий шелест опахала при его движении в знойном воздухе приятен моим ушам.

Махарши держит в руках сложенный манускрипт книги и что-то читает чрезвычайно медленно. Вскоре после моего прихода он откладывает книгу в сторону и зовет ученика. Несколько слов между ними на тамильском, и человек говорит мне, что его Учитель хочет извиниться за неподходящую еду. Он объясняет, что они живут простой жизнью, никогда прежде не подбирали продукты для европейца и не знают, что последний ест. Я благодарю Махарши и говорю, что с радостью разделю с ними их кушанья, только без специй; кроме того, я прихватил немного еды из городка. И добавляю, что вопросы питания для меня гораздо менее важны, чем поиск, который привел меня к нему.

Мудрец слушает внимательно, его лицо спокойно, невозмутимо и непроницаемо.

— Это хорошая цель, — комментирует он наконец, тем самым поощряя меня продолжить тему.

— Учитель, я проштудировал наши западные науки и философии, жил и работал среди людей наших переполненных городов, испробовав их удовольствия и разделяя их амбиции. Тем не менее я также уходил в уединенные места, чтобы в одиночестве поразмышлять над серьезными вопросами. Я спрашивал мудрецов Запада; теперь я обратил свое лицо к Востоку. Мне нужно больше Света!

Махарши кивает головой, как будто говорит «Да, я прекрасно понимаю».

— Я слышал разные мнения, выслушал множество теорий. Мое сознание загромождено умными доказательствами то одной веры, то другой. Я устал от них и скептически отношусь ко всему, что не доказано личным опытом. Простите мои слова, но я не религиозен. Если есть нечто за пределами материального существования человека, то как я могу себе это представить?

Три или четыре ученика, которые собрались вокруг нас, смотрят на меня в изумлении. Не оскорбил ли я тонкий этикет этого уединенного жилища бесцеремонным и дерзким обращением к их Учителю? Я не знаю; возможно, но меня это не волнует. Накопленное за долгие годы молчания неожиданно выходит из-под контроля и срывается с моих губ. Если Махарши — справедливый человек, он, несомненно, поймет это и отметет в сторону мои ошибки в условиях.

Он не отвечает, а словно погружается в какие-то размышления. Делать больше нечего, и мой язык уже развязался, и я взываю к Махарши в третий раз:

— Мудрые люди Запада, наши ученые, очень почитаемы за их успехи. Но они сами признают, что пролили мало света на скрытую истину о том, что находится за пределами жизни. Говорят, в вашем краю есть люди, знающие то, что не в силах открыть

наши западные мудрецы. Так ли это? И можете ли вы мне познать это на личном опыте? Или сам по себе поиск — не более чем иллюзия?

Сказав то, что считал необходимым, я жду ответа Махарши. Он продолжает задумчиво смотреть на меня. Возможно, он размышляет над моими вопросами. Десять минут проходят в молчании.

Наконец он мягко произносит:

— Вы говорите — Я. «Я хочу знать». Скажите мне, кто этот «Я»?

Что он имеет в виду? Он теперь отказался от услуг переводчика и говорит непосредственно со мной на английском. Смятение охватывает мой ум.

— Боюсь, я не понимаю вашего вопроса, — отвечаю я беспомощно.

— Неясно? Подумайте снова!

Я снова бьюсь над его словами. Идея вдруг вспыхивает в моем разуме. Я указываю на себя пальцем и называю свое имя.

— И вы знаете его?

— Всю мою жизнь! — улыбаюсь я ему в ответ.

— Но это лишь ваше тело! Снова я спрашиваю — кто «Вы»?

Я не в силах правильно ответить на его необычный вопрос.

Махарши продолжает:

— Узнайте сначала, кто этот «Я», и тогда вы найдете истину.

У меня снова туман в голове. Я глубоко озадачен, и мое недоумение находит словесное выражение. Но Махарши очевидно достиг предела своего английского языка и поворачивается к переводчику. Ответ медленно переводят мне.

— Нужно только одно — посмотрите в себя. Сделайте это правильно, и тогда вы получите ответ на все ваши вопросы.

Странное замечание. Однако я спрашиваю его:

— Что же нужно делать? Как мне следовать по намеченному пути?

— Свет откроется через глубокие раздумья о природе самого себя и посредством постоянной медитации.

— Я часто размышлял об истине, но не вижу продвижения вперед.

— Откуда вы знаете, что не сделали успехов? Не легко постичь чье-то продвижение в духовной сфере.

— Наверное, необходима помощь Учителя?

— Может быть.

— А поможет ли Учитель заглянуть в себя человеку так, как вы советуете?

— Он может дать ищущему все необходимое для такого поиска. Но самое важное может быть открыто только в личном опыте.

— Сколько времени потребуется для некоторого просвещения с помощью Учителя?

— Это зависит от зрелости ума искателя. Порох мгновенно вспыхивает от огня, но угли разжигаются долго.

У меня странное чувство, что мудрецу не нравится обсуждать тему об учителях и их методах. Однако я достаточно упрям, чтобы не принимать во внимание это чувство, и поэтому задаю следующий вопрос о том же. Он поворачивает бесстрастное лицо к окну, смотрит вдаль и не удостоивает меня ответом. Я понимаю намек и бросаю эту тему.

— Может быть Махарши выскажет свое мнение о будущем мира? Ведь мы живем в критические времена.

— К чему вам беспокоиться о будущем? — спрашивает мудрец. — Вы не знаете, как следует, даже настоящее! Позаботьтесь о настоящем, а будущее позаботится о себе само.

Еще один отказ! Но я теперь не уступлю так легко на том основании, что пришел из мира, где жизнен-

ные трагедии повсеместно давят на людей гораздо тяжелее, чем в этом тихом уголке джунглей.

— Войдет ли мир вскоре в новую эру дружелюбия и взаимопомощи или будет повергнут в хаос и войну? — упорствую я.

Махарши снова недоволен, но все же отвечает.

— Есть Он, кто управляет миром, и Его дело — приглядывать за миром. Тот, кто дал жизнь миру, знает, как смотреть за ним. Он несет ношу этого мира, а не вы.

— Однако если кто-то посмотрит вокруг непредубежденным взором, ему трудно будет увидеть, где пребывает это благожелательное внимание, — возражаю я.

Мудрец кажется еще более недовольным. Но все-таки приходит ответ:

— Каковы вы, таков и мир. Не понимая себя, что пользы пытаться понять мир? Этот вопрос не нужно обсуждать искателям истины. Люди тратят всю их энергию на такие вопросы. Сначала найдите истину в себе; и вы будете иметь лучшую возможность понять истину за пределами мира, частью которого вы являетесь.

Наступает внезапная пауза. Служитель подходит и зажигает новую ароматную палочку. Махарши наблюдает за голубыми колечками дыма, поднимающимися вверх, и снова берет свою рукописную книгу. Он переворачивает ее страницы и углубляется в них, вычеркнув меня из поля своего внимания.

Вновь возникшее его равнодушие воздействует подобно холодной воде на мое самолюбие. Я сижу рядом еще около четверти часа, но вижу, что он не настроен отвечать на вопросы. Поэтому, чувствуя, что беседа на самом деле закончена, я поднимаюсь с пола, складываю ладони в знак прощания и оставляю его.

* * *

Я послал кого-то в городок с просьбой достать повозку, ибо хочу осмотреть храм. Я попросил найти конный экипаж, если он на месте. Тележка, запряженная буйволами, живописна только на вид, но ее скорость и удобства оставляют желать лучшего.

Выйдя во двор, я обнаруживаю ожидающую меня двуколку, запряженную пони. У нее нет сиденья, но такой пустяк уже не тревожит меня. Возница, свирепый на вид малый в грязном красном тюрбане. Вся остальная его одежда — длинный кусок небеленого холста в виде пояса, один конец которого, пропущенный между бедер, затем подворачивается на талии.

Долгая поездка по пыли — и вот наконец вход в большой храм с многоэтажными резными барельефами приветствует нас. Я оставляю двуколку и начинаю свое поверхностное исследование.

— Я не знаю, насколько древен храм Аруначалы, — замечает мой спутник в ответ на мой вопрос, — но вы можете видеть, что его возраст, должно быть, исчисляется веками.

Вокруг ворот и на подступах к храму расположены под тенистыми пальмами несколько маленьких лавочек и ярких киосков. Возле них сидят скромно одетые продавцы священных картин и бойко продающих маленьких медных фигурок Шивы и других богов. Меня поражает преобладание изображений этого божества, ибо в других местах первое место занимают, кажется, Кришна и Рама. Спутник поясняет.

— Согласно нашим священным легендам бог Шива однажды появился вспышкой пламени на вершине Священной Красной горы. Поэтому жрецы храма зажигают ежегодно большой огонь в память этого события, которое случилось, наверное, тысячи лет

назад. Думаю, и храм был построен в ознаменованье этого события, а бог Шива по-прежнему покровитель горы*.

Несколько паломников лениво осматривают лавочки, где можно купить не только этих маленьких медных богов, но также и яркие картинки, изображающие события из священной истории индуизма, плохо отпечатанные книги религиозного характера на языках тамилгов и телугу, и цветные краски, какими ставят на лбу знак надлежащей касты или символ секты.

Прокаженный нищий нерешительно подходит ко мне. Плоть его конечностей загнивает, и он, вероятно, сомневается, — прогоню ли я его, беднягу, или он разбудит мою жалость. Его лицо поражено ужасной болезнью. Мне стыдно, что я бросаю немного мелочи на землю, но я боюсь прикоснуться к нему.

Ворота, которые сделаны в форме пирамиды с резными фигурами, следующими привлекают мое внимание. Грандиозная башня с галереями смотрится подобно некой египетской пирамиде со срезанной вершиной. Вместе с тремя другими башнями она возвышается над сельской местностью. Их видно издалека.

Фасад пагод испещрен обильной резьбой и забавными статуэтками. Сюжеты взяты из священных мифов или легенд и представляют собой странную толпу — из одиноких, погруженных в благочестивую медитацию индусских божеств, а рядом их же переплетенные в любовных объятиях тела, и они прекрасны. Это напоминает о том, что в индуизме есть вещи на все вкусы, такова всеобъемлющая природа его религиозных представлений.

* Мы на Западе считаем этих божеств фантастическим олицетворением религиозных идей, но сами индусы не сомневаются, что они действительно — реальные существа.

Я захожу на территорию храма и оказываюсь в огромном четырехугольном дворе. Обширное сооружение включает в себя лабиринт колоннад, арочных галерей, святилищ, комнат, коридоров, закрытого и открытого пространства. Здесь нет каменных зданий, красота колонн которых заставляет застыть в немом изумлении, как перед храмами близ Афин, скорее — это сумрачное святилище тайных мистерий. Многочисленные ниши пугают меня неприятно холодным воздухом отчужденности. Но в этом лабиринте мой спутник идет уверенным шагом. Снаружи пагоды выглядят привлекательно с их красноватым цветом камня, но внутри кладка — пепельно-серая.

Мы проходим длинную крытую аркаду с крепкими стенами и причудливыми резными колоннами, которые поддерживают потолок. Затем, пройдя полутемные коридоры и мрачные комнаты, оказываемся в обширном портике внешнего двора этого древнего храма.

— Зал Тысячи Колонн! — объявляет мой проводник, и я вижу серое от времени здание. Сомкнутые ряды плоских гигантских каменных колонн, покрытых резьбой, тянутся передо мной.; Место пустынно и заброшено; а его исполинские колонны неясно и таинственно вырисовываются в полумраке. Я подхожу ближе и разглядываю древнюю резьбу. Каждая колонна состоит из цельного камня, даже потолок, который они поддерживают, состоит из больших каменных плит. И снова я вижу богов и богинь, развлекающихся с помощью мастерства скульптора; и опять высеченные морды зверей, знакомых и незнакомых, взирают на меня.

Мы бродим по пересечениям этих крытых плитами галерей с колоннами, проходим темные коридоры, освещенные кое-где небольшими светильниками, чьи фитили погружены в касторовое масло, и таким образом приближаемся к центральной ограде.

Приятно снова выйти на яркий солнечный свет, когда мы пересекаем двор. Теперь мы можем увидеть пять пагод пониже, которые как бы отмечают пунктиром внутреннюю часть храма. Формой они точно повторяют пирамидальные башни над въездными воротами в высоких стенах четырехугольного двора. Я исследую одну, что ближе к нам, и прихожу к заключению, что они построены из кирпича, а их украшенная поверхность — не каменная резьба, а лепнина из обожженной глины или какой-то прочной штукатурки. Некоторые фигуры были, очевидно, некогда отненены красками, но теперь цвета поблекли.

Мы входим в ограду и бродим по еще более длинным темным коридорам в этом изумительном храме. Потом проводник предупреждает меня, что мы приближаемся к главному алтарю, куда не позволено ступать ноге европейца. Но хотя святая святых под запретом для иноверца, все же последнему позволено мельком взглянуть из темного коридора, ведущего к его порогу. Как будто в подтверждение этому предупреждению я слышу бой барабанов, удары гонгов и заунывные заклинания жрецов, которые смешиваются в монотонном ритме, звучащем до некоторой степени жутковато в темноте старого святилища.

Я быстро осматриваюсь. Из мрака поднимается золотое пламя перед идолом, два или три слабых алтарных огня, видны жрецы, занятые ритуалом. Я не различаю очертаний жреческих музыкантов, но слышу, что витые раковины и цимбалы добавляют резкие дикие звуки к музыке.

Спутник шепчет, что лучше мне поскорее уйти, ибо мое присутствие, безусловно, не обрадует жрецов. Вслед за тем мы ретируемся в сонное святилище внешних частей храма. Мое исследование закончено.

Когда мы снова возвращаемся к воротам, мне приходится отступить в сторону, потому что на зем-

ле, посреди дороги, сидит пожилой брахман с маленьким медным кувшинчиком перед ним. Он рисует яркий знак касты на лбу, держа осколок зеркала в левой руке. Красно-белый трезубец на лбу, который вскоре появляется между его бровями — знак ортодоксального индуса Юга, — придает ему, на мой западный взгляд, гротескный вид клоуна. Сморщенный старик в киоске у храмовых ворот, продающий фигурки священного Шивы, ожидающе поднимает глаза, и я останавливаюсь, чтобы купить что-нибудь в ответ на его невысказанный вопрос.

Издали я вижу в другом конце городка блистающую белизну мраморного минарета и, оставив храм, еду к местной мечети. Что-то во мне всегда трепетало при виде изящных арок мечети и изысканной красоты ее куполов. Снова я снимаю обувь и вхожу в прекрасное белое здание. Как хорошо оно спланировано, высота его сводов неизменно повышает настроение! Внутри несколько молящихся сидят, стоят на коленях или простерты ниц на разноцветных молитвенных ковриках. Здесь нет мистических святилищ или кричащих изображений, ибо Пророк писал, что ничто не должно стоять между человеком и Богом — даже священнослужители! Все молящиеся равны перед лицом Аллаха. Здесь нет ни жреца, ни пандита, нет иерархии, никто не вклинится в мысли человека, когда тот поворачивается лицом к Мекке.

Мы возвращаемся по главной улице, и я замечаю лавки менял, палатки сладостей, магазин купца тканей, продавцов зерна и риса — все это существует за счет паломников к древнему святилищу, которое вызвало к жизни этот городок.

Теперь я полон страстного желания вернуться к Махарши, и возница подгоняет пони, преодолевая расстояние, что лежит между нами. Я поворачиваю голову и бросаю последний взгляд на храм Аруна-

чалы. Девять скульптурных башен пилонами поднимаются в небо. Они говорят мне о терпеливом тяжелом труде во имя Бога, создавшем древний храм. — Ведь его строительство наверняка длилось более срока человеческой жизни. И снова эта странная ассоциация с Египтом приходит мне в голову. Даже внутренняя архитектура улиц с их низкими домами и толстыми стенами обладает характерными для Египта особенностями.

Придет ли день, когда эти храмы будут покинуты и забыты? Молчаливые и пустынные, станут они постепенно крошиться в красную и серую пыль, из которой когда-то возникли. Или человек найдет новых богов и построит новые храмы ради служения им?

В то время как наш пони галопом бежит по дороге, которая идет по одному из склонов усыпанного Тут и там булыжниками холма, я, затаив дыхание, осознаю, что Природа разворачивает перед нашими глазами полное прелести пышное зрелище. Как часто ждал я на Западе этого закатного часа, когда солнце во всем великолепии опускается на свое ночное ложе! Восточный закат захватывает сердце восхитительной игрой живых красок. Но все событие проходит так быстро, менее чем за полчаса.

Долгие осенние вечера Европы почти незнакомы здесь. Огромный пылающий шар огня на западе начинает опускаться в джунгли, принимая самый ослепительный оранжевый оттенок в прелюдии к быстрому исчезновению с небосклона. Небо вокруг вспыхивает всеми цветами спектра, даруя нашим глазам театральный праздник, которого не в силах устроить ни один художник. Поля и рощи вокруг впадают в молчаливое оцепенение. Не услышишь больше щебета птичек, замолкает бормотание диких обезьян. Гигантский круг красного огня быстро исчезает в каком-то ином измерении.

Завеса вечера падает плотнее, и вскоре вся панорама разбросанных языков пламени и разлив красок тонет во тьме.

Умиротворение снисходит на меня, очарование окружающего мира трогает мое сердце. Как забыть эти благодатные минуты, которыми судьба делится с нами, подводя к мысли, что за суровым лицом жизни все-таки может быть скрыта великодушная и прекрасная Сила? Эти минуты посрамляют часы нашей обыденности. Из темной пустоты приходят они метеорами, освещая мимолетный путь надежде, и затем уходят за горизонт.

* * *

Светлячки кружат над садом уединенного жилища, рисуя странные узоры света на фоне темноты, когда мы въезжаем в окруженный пальмами двор. Я вхожу в длинный зал и опускаюсь на пол, и тогда возвышенная тишина проявляется и достигает этого места и наполняет собой атмосферу.

Собравшиеся сидят рядами на корточках, но среди них не слышно ни шума, ни разговоров. В углу на кушетке сидит Махарши со скрещенными ногами, его руки безучастно отдыхают на коленях. Его фигура снова поражает меня простотой и скромностью, но в то же время чувством собственного достоинства и выразительностью. Посадка его головы преисполнена благородства подобно голове мудреца Гомера. Глаза смотрят неподвижно в дальний конец зала. Эта странная устойчивость взгляда, как всегда, озадачивает. То ли он просто наблюдает за последним лучом света, угасающим в небе, или так поглощен мечтательной созерцательностью, что ничего не видит в этом материальном мире?

Как обычно, облачко дымка от курильницы плавает среди деревянных балок потолка. Я усаживаюсь

и пытаюсь сосредоточить взгляд на Махарши, но в же время ощущаю слабое побуждение закрыть глаза. И вскоре я наполовину засыпаю, убаюканный непостижимым покоем, который проникает в меня все глубже вблизи мудреца. В конечном счете возникает брешь в моем сознании, и я вижу яркий сон. Как будто я снова стал пятилетним мальчиком. Я стою на неровной тропе, которая извивается вокруг священного холма Аруначалы, и держусь за руку Махарши; но с моей позиции он теперь высится громадной фигурой, как будто вырос до гигантских размеров. Он уводит меня от своего жилища и, несмотря на непроницаемую тьму ночи, мы медленно идем по тропе. Позднее звезды и луна сговариваются и проливают немного света на окружающий нас мир. Я замечаю, что Махарши заботливо ведет меня, минуя обрывы в скалистой почве и громадные шаткие валуны. Холм крутой, и наш подъем неспешен. Укрытые в узких расселинах между скал и валунов, или же приютившиеся в зарослях невысокого кустарника видны крошечные хижины и пригодные для жилья пещеры. Когда мы проходим мимо, обитатели выходят, чтобы приветствовать нас. Хотя в звездном свете они похожи на духов, я понимаю, что это йоги. Мы ни разу не задерживаемся возле них, продолжая идти до тех пор, пока не достигаем вершины холма. Мы наконец останавливаемся, и мое сердце сильно бьется в странном предчувствии какого-то важного события, которое вот-вот произойдет со мной.

Махарши поворачивается и смотрит вниз на мое лицо; я, в свой черед, выжидающе гляжу на него. Я начинаю осознавать, что непостижимые перемены стремительно происходят в моем сердце и сознании. Старые побуждения, соблазнявшие меня, начинают пропадать. Назойливые желания, гонявшие меня то туда, то сюда, исчезают с невероятной скоростью.

Неприязнь, недоразумения, холодность и эгоизм, которые сопровождали мои отношения с друзьями, обрушиваются в хаос небытия. Невыразимый покой охватывает меня, и я понимаю теперь, что мне больше нечего просить у жизни.

Вдруг Махарши просит меня обратить взор к подножию холма. Я повинуюсь и с изумлением вижу западное полушарие нашей планеты, которое тянется далеко вниз. На нем толпятся миллионы людей; я могу только смутно различать их как массу фигур, но затем ночная тьма окутывает их.

До меня доходит голос мудреца, и его слова звучат неторопливо:

— Ты вернешься к ним, сохранив обретенный покой. И он будет ценен тем, что впредь ты отбросишь идею, будто ты — это твоё тело или твой ум. Когда этот покой проникнет в тебя, ты забудешь о самом себе, ибо обратишь свою жизнь к ЭТОМУ!

И Махарши положил один конец нити серебряного света в мою ладонь.

Я пробуждаюсь от необычно яркого сна с чувством, что его возвышенность все еще пронизывает меня. И тотчас встречаю взгляд Махарши. Его лицо теперь повернуто в мою сторону, и он смотрит прямо мне в глаза. Что скрывается за этим сном? Желания и горести личной жизни на время преданы забвению. А это состояние спокойного безразличия к себе и глубокой жалости к собратьям, вызванное к жизни моим сном, не исчезает даже с пробуждением. Это удивительный опыт.

Но если сон и имел в себе истину, все же мне недостаточно этого случая, чтобы что-то понять.

Сколько я был погружен в сон? Все в зале начинают подниматься и готовиться ко сну. И я следую общему примеру.

В длинном и плохо проветриваемом помещении спать будет душно, и я выбираю двор. Высокий по-

жилой ученик приносит мне фонарь и советует держать его зажженным на протяжении всей ночи, поскольку могут появиться нежеланные визитеры — змеи и даже гепарды, но они обычно держатся подальше от огня.

Земля, высушенная солнцем, тверда, а у меня нет матраса, в результате я не могу уснуть в течение нескольких часов. Но это не имеет значения — мне есть, о чем подумать, ибо я чувствую, что в лице Махарши я встретил самую непостижимую личность, которую судьба все-таки ввела в орбиту моего жизненного опыта.

Мудрец, похоже, даст мне великие мгновения, но мне пока трудно понять их природу.

Это неуловимо, невесомо и, может быть, духовно. Постоянно я думаю о нем этой ночью, постоянно вспоминаю яркий сон, и сразу особенное чувство пронзает меня и заставляет мое сердце биться со смутным, но возвышенным ожиданием.

* * *

Все последующие дни я пытаюсь установить более близкий контакт с Махарши. Но тщетно. Для подобной неудачи есть три причины. Первая — это его сдержанный характер, его явная неприязнь к доводам и дискуссии, его упорное равнодушие к убеждениям и мнениям. Совершенно ясно, что мудрец не желает никого обращать в свои идеи, какими бы они ни были, и не стремится увеличивать число своих последователей.

Вторая причина — необычна, но существенна. После странного вечернего сна я постоянно ощущаю сильный благоговейный страх в его присутствии. Те вопросы, которые непременно сорвались бы с моих губ, замирают, потому что кажется почти святотатством обращаться к нему как к личности, с которой

можно беседовать и спорить на равных о том, что касается общей человеческой природы.

Третья причина моего неуспеха достаточно проста. Почти всегда кто-нибудь находится в зале, а я не склонен излагать личные мысли в их присутствии. В конце концов, я чужак для них и иностранец в этой стране. Неважно по сути, что я говорю с ними на разных языках, гораздо важнее, что я обладаю циничной, скептической точкой зрения, которую не трогают религиозные эмоции, и она мешает мне выразить свои крайние взгляды при них. Поскольку у меня нет желания ранить их набожную чувствительность, но и не хочется вступать в спор с малопривлекательной для меня позиции. Все это до некоторой степени связывает мне язык.

Нелегко пробираться между подобными барьерами. Много раз я был готов задать вопрос Махарши, но вступал один из трех факторов моих неудач, и я отступал.

Намеченный мною уик-энд быстро проходит, и я растягиваю его до недели. Первую мою беседу с Махарши, похоже, можно назвать и последней. Помимо одного или двух поверхностных и шаблонных обрывков беседы, я не смог завладеть вниманием этого человека.

Проходит неделя, и я растягиваю ее до двух. Каждый день я чувствую чудесное умиротворение ментальной атмосферы мудреца, эту безмятежность, которая пронизывает сам воздух вокруг него.

Наступает последний день моего визита, а я так и не приблизился к нему. Моя задержка — дразнящая ложными надеждами смесь возвышенных настроений и разочаровывающих неудачных попыток нормально побеседовать с Махарши. Я оглядываю зал и чувствую легкое уныние. Большинство этих людей говорят на разных языках как внешне, так и внутренне. Как я могу надеяться стать к ним бли-

же? Я смотрю на самого мудреца. Он сидит на олимпийских высотах и наблюдает за панорамой жизни как будто со стороны. Загадочность, свойственная этому человеку, отличает его от всех тех, кого я встречал. Я почему-то полагаю, что он не принадлежит к нам, к расе людей, ибо он более принадлежит Природе, одинокому пику, который круто поднимается за его уединенным жилищем, пространствам неосвоенных джунглей, которые тянутся за далекими лесами, и непостижимому небу, которое наполняет всю вселенную.

Словно сама каменная неподвижность одинокой Аруначалы проникла в Махарши. Я узнал, что он прожил на горе тридцать лет и отказывался покидать ее даже ради кратких поездок. Такая близкая связь должна неизбежно воздействовать на характер человека. Я знаю, он любит этот холм. Кто-то перевел несколько строк очаровательного, но патетического стихотворения, которое написал мудрец, чтобы выразить эту любовь. Как этот обособленный холм поднимается над краем джунглей и возносит свою приземистую главу к небу, так и этот странный человек поднимает голову в одиноком величии, более того, в своей уникальности среди джунглей обычной людской массы. Как Аруначала, холм Священного Огня, стоит отчужденно, поодаль от неровной цепи холмов, которые полностью окружают ландшафт, так и Махарши непостижимо отчужден даже в окружении своих последователей, людей, которые любят его и живут возле него годами. Безличностное неуловимое свойство всей Природы — чему служит примером особенность этой священной горы — как-то вошло в него. Оно отделило Махарши от более слабых товарищей и, возможно, навсегда. Иногда я ловлю себя на желании, чтобы он стал немного более человеческим и восприимчивым к вещам, нормальным для нас; но подобное чувство исчезает

в его присутствии. И, кроме того, если он на самом деле приблизился к некоему высшему пониманию за пределами обычного, можно ли ожидать, чтобы он не ушел при этом за пределы человеческого, оставив нашу вялую медлительную расу позади навсегда. Почему под его странным быстрым взглядом я неизменно испытываю чудесное предвкушение, как будто что-то огромной важности вскоре откроется мне?

Но помимо очевидного умиротворения и сна, отметившегося звездочкой в небе моей памяти, ни словесных, ни других откровений мне не было дано. Я прихожу в отчаяние от ограниченности времени. Прошло почти две недели, и был только один что-либо значащий разговор! Даже резкость в голосе мудреца помогает, в переносном смысле, держать меня на расстоянии. Такой необычный прием тоже выглядит неожиданным, ведь я не забыл, с каким жаром уговаривал меня приехать сюда святой человек в желтой одежде. Я мучительно жажду личного разговора с мудрецом, который духовно выше всех других людей. И одна мысль неотступно вертится в моем уме. Она нерациональна, она пришла непрошено. «Этот человек освободил себя от всех проблем, и несчастье не может коснуться его», — таков смысл этой доминирующей мысли.

Наконец я решаюсь дерзко навязать свои вопросы Махарши и заставить его ответить на них. Я иду к одному из его старых учеников в соседний домик. Он чрезвычайно добр ко мне, и потому я с жаром заявляю ему о своем желании иметь финальную беседу с его Учителем. Я признаюсь, что стесняюсь сам подойти к мудрецу. Ученик улыбается сочувствующе, уходит и вскоре возвращается с вестью, что его Учитель будет рад дать интервью.

Я спешно возвращаюсь в зал и удобно сажусь возле дивана. Махарши сразу поворачивает лицо и

любезно приветствует меня. Я тут же успокаиваюсь начинаю задавать вопросы.

— Йоги говорят, нужно отречься от мира и уйти в уединение джунглей или в горы, если желаешь найти истину. Подобное едва ли возможно на Западе, наша жизнь так отличается от вашей. А вы согласны с йогогами?

Махарши поворачивается к ученику брахману, чтобы тот перевел мне ответ.

— Не стоит отказываться от деятельной жизни. Медитируя ежедневно час или два, вы можете выполнять свои обязанности. Если вы медитируете правильно, пробужденный поток ума не иссякнет и посреди ваших трудов. А что касается двух способов выражения одной и той же идеи, то та же установка, которая берется в медитации, будет находить отражение в вашей деятельности.

— Каков же будет результат этого?

— Продвигаясь, вы обнаружите, как постепенно изменяется ваше отношение к людям, событиям и целям. Но ваши деяния будут иметь тенденцию следовать за вашей медитацией на свой лад.

— Значит, вы не согласны с йогогами? — пытаюсь я прижать его к стенке.

Но Махарши ускользает от прямого ответа.

— Человек подчиняется личному эгоизму, который привязывает его к этому миру. Отказ от ложного «Я», от самости, есть истинное отречение.

— Как можно стать самоотверженным, пока ведешь активную мирскую жизнь?

— Нет конфликта между трудом и мудростью.

— Вы подразумеваете, что можно, например, продолжая заниматься своей профессией, одновременно достичь духовного просветления?

— А почему бы и нет? Но в таком случае не считайте, что продолжает трудиться прежняя личность, ибо сознание постепенно начнет сдвигаться, пока не

сосредоточится в центре, который лежит за пределами малого «я».

— Но если человек занимается работой, то у него остается мало времени для медитации.

Но Махарши оставляет совершенно невозмутимым то, что я считаю проблемой.

— Выделяют свободное время для медитации только новички, — отвечает он. — Человек с опытом начинает получать удовольствие более глубокого блаженства независимо от того, на работе он или на отдыхе. Пока его руки трудятся на благо общества, ум его свободен.

— В таком случае вы не обучаете методам йоги?

— Йог гонит свой ум к цели, как пастух гонит буйвола палкой, однако искатель на этой тропе угоривает буйвола пригоршней травы!

— Но как это сделать?

— Задайте себе вопрос: кто «Я»? И это исследование приведет вас к открытию чего-то такого в самом себе, что находится за пределами вашего ума. Разрешите эту великую проблему, и вы таким образом решите все другие проблемы.

Молчание, во время которого я пытаюсь переварить его ответ. Через квадратную пустую брешь в стене, которая служит окном, как и во многих других индийских зданиях, я могу видеть прекрасные нижние склоны священного холма. Его необычные очертания омыты солнечным светом раннего утра.

Махарши снова обращается ко мне.

— Я попробую прояснить свои слова. Все люди хотят счастья, не омраченного печалью. Они хотят найти счастье, которое никогда не закончится. Инстинкт верен. Тем не менее разве вас не поражает, что больше всего они любят самих себя?

— И что из этого следует?

— Теперь свяжите это с тем, что они всегда жаждут получить счастье тем или иным способом — че-

рез пьянство или религию, — и вы получите ключ к истинной природе человека.

— Я не могу понять.

Тон его голоса становится выше.

— Истинная природа человека — счастье. Счастье является врожденным качеством. Поэтому поиски счастья — это бессознательные поиски самого себя. Истинное «Я» — непреходяще, и когда человек находит его, он находит счастье, которое не имеет конца.

— Почему же мир так несчастен?

— Да, это так, но потому, что мир не знает себя истинного. Однако все люди, без исключения, сознательно или бессознательно добиваются этого.

— Даже злые, жестокие и преступные? — спрашиваю я.

— Даже они грешат, пытаюсь найти свое счастье в каждом совершенном грехе. Это стремление инстинктивно в человеке, но они не знают, что на самом деле ищут себя истинных, и поэтому они пробуют сначала безнравственные пути, как средства для счастья. Конечно, это — ошибочный путь, ибо поступки человека отражаются на нем самом.

— Таким образом, мы получим вечное счастье, когда познаем свою суть, себя истинных?

Он снова кивает.

Косой солнечный луч падает через незастекленное окно на лицо Махарши. Безмятежность его гладкого лба, удовлетворение на его строгих губах, безграничная умиротворенность в этих блестящих глазах. — Его гармоничный облик подтверждает слова откровения.

Что Махарши хочет сказать этими, очевидно простыми словами? Переводчик передал на английском их внешний смысл, это так, но есть более глубокое содержание, и его он передать не смог. Я знаю, что должен открыть это для себя сам. Муд-

рец говорит не как философ, не как пандит, поясняющий собственное учение, а скорее из глубин своего сердца. Означает ли это, что эти слова отмечены его собственным счастливым опытом?

— Что это за «Я», о котором вы говорите? Если ваши слова верны, в человеке должно быть и другое «Я»?

Его губы на миг трогает улыбка.

— Может ли человек обладать двумя личностями, двумя «Я»? — отвечает он. — Понимание этого вопроса является первой необходимостью для человека, желающего анализировать себя. Потому что долгое время он думает по привычке, как думают другие, и никогда по-настоящему не встречался со своим «Я». Он плохо знает себя, ведь он слишком долго отождествлял себя со своим телом и умом. Поэтому я советую задавать этот вопрос: кто «Я»?

Он умолкает, чтобы его слова достигли моего сознания, я нетерпеливо жду продолжения его сентенций.

— Вы просите описать вам эту истинную суть. Что тут скажешь? Это Ничто, из которого сознание личного «Я» поднимается, и в нем оно должно исчезнуть.

— Исчезнуть? — эхом повторяю я. — Как можно потерять ощущение своей личности?

— Первая и главная из всех мыслей, изначальная мысль в уме каждого человека — мысль «Я». Только ее рождение пробуждает все остальные. Только после первого личного местоимения «Я», возникшего в уме, может появиться второе личное местоимение «ты». Если вы мысленно последуете за своим «Я», прокладывая путь, пока оно не приведет вас к своему источнику, тогда вы поймете, что оно появляется первой мыслью и исчезает последней. Это можно проверить опытным путем.

— Вы хотите сказать, что вполне возможно провести такое мысленное исследование себя?

— Конечно! Идите внутрь, пока последняя мысль «Я» постепенно не исчезнет.

— И что останется? — вопрошаю я. — Человек полностью потеряет сознание или станет идиотом?

— Что вы! Наоборот, он получит сознание, которое вечно, и станет истинно мудрым через пробуждение своей истинной сути, подлинной природы человека.

— Однако обязательно ли к этому должно относиться и чувство «Я»? — настаиваю я.

— Чувство «Я» относится к личности, телу и уму, — отвечает Махарши спокойно. — Когда человек познает себя истинного впервые, нечто другое поднимается из глубин его существа и овладевает им. Это Нечто находится за пределами ума, оно бесконечно, божественно, вечно. Его называют по-разному, одни — Царством Небесным, другие — душой, третьи — Нирваной, а мы, индусы, называем это Освобождением. Назовите, как хотите. Когда это происходит, человек в реальности не теряет себя; правильнее сказать, что он находит себя.

Как только последнее слово покинуло уста переводчика, сразу вспыхнули в моем мозгу другие памятные слова, которые были произнесены странствующим Учителем из Галилеи; эти слова озадачивают так много добрых людей: «Ибо кто хочет жизнь свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет жизнь свою ради Меня, тот обретет ее».

Как удивительно похожи эти два изречения! Но индийский мудрец пришел к этому размышлению своим, не христианским путем, а психологическим методом, который кажется нам крайне трудным и неведомым.

Снова Махарши начинает говорить, и его слова нарушают ход моих мыслей.

— До тех пор, пока человек не начнет искать себя истинного, сомнения и неопределенность будут следовать за ним по пятам всю жизнь. Величайшие короли и правители пытаются управлять другими, но в глубине души знают, что они не могут управлять собой. Однако великим могуществом обладает человек, проникший в сокровенные глубины своего существа. Величайшие умы тратят целую жизнь, собирая многочисленные знания. Но спросите этих людей, смогли ли они разрешить загадку человека, победить самих себя, и они со стыдом опустят головы. Что пользы знать обо всем вокруг, если ты не знаешь даже себя? Люди избегают вопроса о своем истинном «Я», но что еще столь же достойно открытия?

— Это такая трудная, сверхчеловеческая задача, — комментирую я.

Мудрец едва заметно пожимает плечами.

— Вопрос о возможностях — дело личного опыта. А трудности менее значительны, чем вы думаете.

— Для нас, активных и практичных людей Запада, такой самоанализ?.. — начинаю я с сомнением фразу и останавливаюсь на половине фразы.

Махарши наклоняется, чтобы зажечь новую ароматную палочку вместо той, чей красный огонек угас.

— Понимание истины одинаково для индийцев и европейцев. Предположительно, что путь к ней труднее для тех, кто поглощен мирской жизнью, но и они в состоянии преодолеть его. Поток, возникший в медитации, можно сохранить привычкой, также практикуя это. Тогда можно будет исполнять работу и вести активную жизнь в самом этом потоке; он не исчезнет, и, таким образом, не будет разницы между медитацией и внешней деятельностью. Если вы размышляете над вопросом «кто «Я»?», если вы

начинаете понимать, что ни тело, ни ум, ни желания не являются вашей сущностью, вашим подлинным «Я», то сама привычка вопрошать в конце концов найдет ответ в глубинах вашего существа. — Это придет к вам само по себе как глубокое осознание.

Снова я взвешиваю его слова.

— Узнайте себя истинного, — продолжает он, — и тогда истина воссияет в вашем сердце, подобная солнечному свету. Ум освободится от беспокойства, и придет настоящее счастье, ибо счастье и истинное «Я» — одно. У вас не будет больше сомнений, когда вы однажды достигнете самоосознания.

Он поворачивает голову и вглядывается в дальний конец зала. Я понимаю, что он больше ничего не скажет. Так заканчивается наш последний разговор, и я поздравляю себя, что перед отъездом вытащил-таки его из скорлупы молчания.

* * *

Я оставляю его и неторопливо иду к тихому месту в джунглях, где проводил большую часть дня со своими записками и книгами. С наступлением сумерек я возвращаюсь в зал, ибо через час или два прибудет конная двуколка или повозка с буйволами и увезет меня от уединенного убежища мудреца.

От курильницы воздух благоуханен. Махарши полулежит под опахалом, но вскоре выпрямляется и принимает свою излюбленную позу. Он садится, скрестив ноги, правая ступня расположена на левом бедре, а левая ступня просто лежит под правым бедром. Я вспоминаю, что подобную позу показывал Брами, йог, живущий близ Мадраса, он называл ее «удобная поза». На самом деле это почти поза Будды, и она очень легко делается. Махарши, по обыкновению, опирается подбородком на правую ладонь, поставив локоть на колено; потом он внимательно

смотрит на меня, но продолжает молчать. На полу перед ним — сделанный из тыквы кувшин для воды и бамбуковый посох. Это да еще полоска набедренной повязки — все его имущество на этой земле. Какой красноречивый комментарий нашему западно-му духу стяжательства!

Его глаза почти сияют, их взгляд постепенно становится как бы стеклянным и неподвижным; тело выпрямлено; голова чуть покачивается, затем успокаивается. Еще несколько минут — и я ясно вижу, как он вновь вошел в состояние транса, в котором он был, когда я впервые увидел его. Как странно наше расставание повторяет нашу встречу! Кто-то шепчет мне на ухо:

— Махарши входит в священный транс. Теперь бесполезно с ним разговаривать.

Тишина опускается на маленькое собрание. Медленно текут минуты, но тишина только углубляется. Я не религиозен, но не в силах противиться нарастающему благоговейному страху, который охватывает мой ум, так пчела не может сопротивляться благоухающему цветку. Зал пронизан тонкой, неуловимой и неясной силой, которая глубоко воздействует на меня. У меня нет сомнений, что центр этой мистической силы не кто иной, как сам Махарши.

Его глаза сияют поразительно ярко. Странные чувства просыпаются во мне. Эти блестящие очи словно проникают в сокровенные тайники моей души. Каким-то особенным образом я осознаю все, что он видит в моем сердце. Его непостижимый взгляд проникает в мои мысли, мои эмоции и мои желания; я беспомощен перед этим. Сначала этот смущающий взгляд тревожит меня; я испытываю смутную неловкость. Я чувствую, как он листает страницы моего позабытого прошлого. Он знает все, я уверен. Я не в силах бежать; да и не хочу

этого. Некий возбуждающий любопытство намек на будущее благоденствие заставляет меня выдерживать этот безжалостный взгляд.

А он тем временем продолжает улавливать слабости моей души, постигать мое пестрое прошлое, чувствовать смешанные эмоции, растаскивавшие меня в разные стороны. Но я ощущаю, что он понимает также, какое всепоглощающее стремление к поиску принудило меня оставить обычный путь и искать людей, подобных ему.

Телепатический поток между нами вдруг меняется, в это время мои глаза часто моргают, а его — остаются неподвижными. Я осознаю, как он соединяет мое сознание со своим и приводит мое сердце к тому состоянию звездного умиротворения, пребывая в котором он получает бесконечное наслаждение. В этом сверхъестественном покое меня охватывает чувство экзальтации и легкости. Время словно бы останавливается. Мое сердце освобождается от ноши забот. Я чувствую, что горечь гнева и меланхолия неудовлетворенного желания никогда больше не огорчат меня. В глубине моего существа появляется понимание того, что наш врожденный мудрый инстинкт, который заставляет человека смотреть вверх, который поощряет его к надежде, который поддерживает его в темные минуты жизни, — это истинный инстинкт, ибо сущность бытия добра. В этом прекрасном восторженном молчании остановившегося времени все печали и ошибки прошлого кажутся ничтожными мелочами, ибо мой дух захвачен духом Махарши и мудрость в настоящий момент — в зените. Что во взгляде этого человека? Что за волшебная палочка, которая пробуждает к жизни скрытый мир неожиданного великолепия перед моими глазами непосвященного?

Прежде я спрашивал себя, почему ученики остаются рядом с мудрецом годами, ведь беседы с ним

редки, а удобств — очень мало, почему внешняя деятельность не привлекает их. Теперь я начинаю понимать — не мыслью, а молниеносным озарением, — что все эти годы они получали глубокое и безмолвное вознаграждение.

До сих пор все в зале находилось в полной неподвижности. Наконец кто-то тихо поднимается и выходит. За ним следует другой, и еще один, и, наконец уходят все.

Я один с Махарши! Никогда прежде такого не случалось. Его глаза начинают меняться; они сужаются до острия булавки. Эффект похож на изменение отверстия диафрагмы в линзах камеры. Все сильнее и поразительнее напряженный блеск между его веками, которые теперь почти закрыты. Неожиданно мое тело словно исчезает, и мы оба оказываемся в пространстве!

Это критический момент. Я колеблюсь — и решаю нарушить волшебные чары. Это решение приносит силу, и я снова возвращаюсь назад, в плоть, а затем — в зал.

Он не говорит ни слова. Я беру себя в руки, смотрю на часы и тихо поднимаюсь. Час отъезда настал.

На прощание я склоняю голову. Мудрец молча принимает жест. Я произношу несколько слов благодарности. Он снова молча кивает.

Я мешкаю на пороге, уходя с неохотой, хотя слышу звон колокольчика с улицы. Приехала повозка, запряженная буйволами. Еще раз я поднимаю руки, сложив ладони.

И мы расстаемся.

Глава 15

СТРАННАЯ ВСТРЕЧА

...

* * *

Через несколько дней мой корабль отправится в Европу, заскользив по зеленовато-синим волнам Аравийского моря. Однажды на борту я мысленно попрощаюсь с философией и выброшу в воды забвения свою мечту о восточном поиске. Никогда больше я не положу свои время, мысли, энергию и деньги на алтарь поиска фальшивых мастеров.

Но все тот же ментальный голос вновь упорно тревожит меня. «Глупец! — летит ко мне презрительное. — Так это же будет бесполезный результат стольких лет исследований и надежд! Неужели ты пошел по той же дороге, что и другие, забыв все, чему научился, утопил лучшие чувства в жестоком эгоизме и чувственности? Берегись! Твое учениче-

ство свело тебя с ужасными учителями; бесконечные размышления содрали внешний лоск с твоего существования, непрерывная деятельность подстегнула тебя кнутом, и духовное одиночество изолировало твою душу. Думаешь, ты избежишь результатов этого контракта? Нет, они наложили на тебя невидимые пути».

Меня бросает от одного настроения к другому, когда я смотрю на гроздь звезд, заполнившие восточное небо. Я пытаюсь спастись от безжалостного внутреннего голоса, ссылаясь на беспомощность и неудачи.

Голос отвечает: «Ты уверен, что ни один из людей, встреченных в Индии, не может быть Учителем, которого ты ищешь?»

Длинная галерея лиц и характеров проходит перед моим мысленным взором: вспльчивые северяне, безмятежные южане, нервно-эмоциональные восточные жители и суровые молчаливые маратхи Запада; лица дружелюбные и злые, глупые и мудрые, опасные и непроницаемые.

Одно лицо выделяется в этой веренице и четко встает передо мною, его глаза спокойно глядят на мои. Это непроницаемое, словно у сфинкса, лицо Махарши, мудреца, живущего на холме Священного Огня на Юге. Я не забыл его, добрые мысли о Махарши возникают снова и снова, но неровный характер моих странствий, мелькающая панорама лиц и событий и внезапные перемены в поиске глубоко погребли под собой впечатление от короткой встречи с ним.

Но я вдруг осознаю, что он прошел через мою жизнь звездой, летящей сквозь темную пустоту, ярким лучом и исчез. И отвечаю своему внутреннему голосу, что этот человек поразил меня более всех остальных людей Запада или Востока. Но он кажется таким отрешенным, таким далеким от европейского

менталитета и таким равнодушным к тому, стану ли я его учеником или нет.

Тихий голос не отступает:

— Почему ты так уверен в его равнодушии? Ты был у него недолго и унесся прочь.

— Да, — признаю я слабо, — я выполнял собственную продуманную программу. Что мне было делать?

— Но ты можешь сделать кое-что теперь. Вернись к нему.

— И навязаться ему?

— Твои личные чувства — ничто перед успехом в этом поиске. Вернись к Махарши.

— Он на другом конце Индии, а я слишком болен для новых странствий.

— Что за вопросы? Тебе нужен Учитель? — Плати.

— Да никто мне уже не нужен, я слишком устал и ничего не хочу. К тому же я купил билет на пароход и уплываю через три дня. Слишком поздно что-то менять.

Голос почти насмехается надо мною:

— Слишком поздно, да? А твое чувство значимости? Ты соглашаешься, что Махарши — самый удивительный человек, какого ты только встречал, и бежишь, даже не пытаешься узнать его. Вернись к нему.

Я продолжаю упрямяться. Разум отвечает: «Да», а эго говорит: «Нет!» Снова голос убеждает меня: «Измени свои планы. Ты должен вернуться к Махарши».

И вдруг что-то поднимается из глубин моего существа, приказывая немедленно подчиниться этому непонятному голосу. Это чувство овладевает мною и заглушает все протесты разума и возражения большого тела, я словно ребенок в его руках. Неожиданная настойчивость неотступно требует от меня вер-

нуться к Махарши, и сквозь нее я вижу преодолимый призыв его ярких глаз.

Я прекращаю все споры с внутренним голосом, понимая полную бесполезность своего сопротивления. Да, я снова поеду к Махарши, и, если он примет меня, вручу себя его опеке. Я прицеплю свой вагон к его сияющей звезде. Жребий брошен. Что-то победило меня, хотя я не понимаю, что именно.

Я возвращаюсь в отель, вытираю потный лоб и маленькими глотками выпиваю чашку тепловатого чая. В этот миг я понимаю, что изменился. — Тяжелая ноша несчастий и сомнений упала с моих плеч.

На следующее утро я спускаюсь к завтраку с сознанием, что улыбаюсь впервые после своего возвращения в Бомбей. Высокий бородатый сикх слуга, в сияющем белом жакете, золотом тюрбане и белых штанах, улыбается в ответ, встает со скрещенными руками за моим креслом и говорит:

— Для вас письмо.

Я смотрю на конверт. Письмо дважды переадресовывалось, следуя за мной с места на место. Я сажусь на стул и вскрываю его. К моему восторгу и удивлению, оно написано возле подножия холма Священного Огня. Его автор, некогда известный общественный деятель и член законодательного совета Мадраса, ушел от мирских дел после трагической семейной утраты и стал учеником Махарши, посещая того при каждом удобном случае. После нашей встречи мы стали изредка переписываться.

Письмо полно ободряющих мыслей и намеков, что я буду радушно принят, если надумаю вновь посетить отшельника. Когда я заканчиваю читать, одно предложение вспыхивает в памяти, стирая остальные. «Вам посчастливилось встретить истинного Учителя», — гласит оно. Я принимаю письмо счастливым предзнаменованием своего решения вернуться

к Махарши. После завтрака я еду в корабельную службу с извещением, что не плыву.

Вскоре я прощаюсь с Бомбеем и следую своему новому плану. Я пересекаю тысячи миль бесцветного плато Декан с полосками одиночных бамбуковых рощиц, чьи кроны разнообразят пейзаж. Поезд бежит сквозь скудную зелень редких деревьев индийской степи недостаточно быстро, на мой взгляд. Он трясется по рельсам, а я чувствую, что спешу к великому событию — духовному просветлению и самой мистической личности, которую я когда-либо встречал. Я выглядываю из зашторенного окна вагона, и оживают мои надежды на встречу с риши, духовным сверхчеловеком.

На второй день мы преодолеваем около тысячи миль, за окном виден спокойный южный ландшафт с отдельными красными холмами, и я вдруг ощущаю прилив необычайного счастья. Когда же мы оставляем позади выжженные степи, я радуюсь влажному душному воздуху Мадраса, ибо это означает, что мое путешествие перевалило через середину. Сойдя на конечной станции Южно-Маратхской компании, я пересекаю суматошный город и покупаю билет на Южно-Индийскую железную дорогу. До отправления поезда есть еще несколько часов, и я трачу их на необходимые покупки и краткую беседу с индийским писателем, который приглашал меня к Его Святейшеству Шри Шанкаре, духовному главе Южной Индии.

Он тепло приветствует меня, а когда я сообщаю, что еду к Махарши, писатель восклицает:

— Неудивительно! Этого я и ожидал.

Я обескуражен и спрашиваю его:

— Почему вы так говорите?

Он улыбается.

— Мой друг, помните, как мы расстались с Его Святейшеством в городе Чинглепуре? Вы не замети-

ли, как он шепнул мне что-то в прихожей перед нашим уходом?

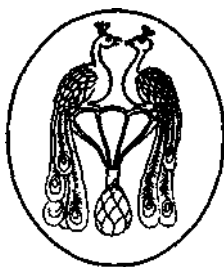
— Да, теперь, когда вы напомнили, припоминаю.

Тонкое изящное лицо писателя еще хранит улыбку.

— Вот что Его Святейшество сказал мне: «Ваш друг объедет всю Индию. Он посетит множество йогов и выслушает немало учителей. Но в конце он вернется к Махарши. Для него только Махарши — истинный Мастер».

Эти слова производят на меня неизгладимое впечатление. Они открывают пророческую силу Шри Шанкары и, кроме того, подтверждают правильность моего пути.

Как удивительны странствия, на которые обрекли меня мои звезды.

Глава 16

У МАСТЕРА В ДЖУНГЛЯХ

Некоторые незабываемые моменты отмечены золотыми числами в календаре наших лет. Такой момент наступает и для меня, когда я вхожу в зал к Махарши.

Он, как обычно, сидит на великолепной тигровой шкуре посреди дивана. Пахучие палочки горят перед ним на столике, распространяя по залу острый аромат фимиама. Но сегодня Махарши не отстранен от людей духовным трансом, как в первую нашу странную встречу. Его глаза полностью открыты этому миру, внимательный взгляд отвечает на мой поклон, а губы улыбаются доброжелательно и приветливо.

На почтительном расстоянии от Учителя сидят несколько учеников; иначе говоря, длинный зал пуст. Один из них машет веером, который лениво колыхается в тяжелом воздухе.

В сердце я знаю, что пришел искать ученичества, и не успокоюсь, пока не услышу решение Махарши. Это правда, что мои великие надежды быть принятым сорвали меня из Бомбея к этому дому по команде, решительному и властному приказу из сферы сверхъестественного. Я коротко объясняю причину моего приезда, а затем излагаю свою просьбу к Махарши быстро и прямо.

Он продолжает улыбаться мне, но ничего не отвечает. Я настойчиво повторяю вопрос. И вот после долгого молчания он наконец отвечает мне по-английски, не считая нужным позвать переводчика:

— К чему все эти разговоры о мастерах и учениках? Такие различия существуют только с точки зрения ученика. Для того, кто понял свою истинную суть, нет ни мастеров, ни учеников. Они воспринимают всех людей одинаково.

Я слегка обескуражен отказом и снова настоятельно упрашиваю Учителя. Но Махарши не намерен сдавать позиции и отвечает:

— Вам нужно найти Учителя в самом себе, в своем духовном «Я». Свое тело следует воспринимать через призму своего духовного «Я», поскольку тело — не истинное его «Я».

До меня начинает доходить, что из Махарши мне не вытянуть прямого утвердительного ответа, такой ответ нужно найти каким-то иным путем, а он только намекает на этот тонкий неведомый способ. Поэтому я оставляю тему, и наш разговор сворачивает на внешнюю и материальную сторону моего посещения.

Я трачу вечер на подготовку к длительному пребыванию здесь.

* * *

Последующие недели погружают меня в необычную жизнь. Дни я провожу в зале Махарши, где медленно усваиваю фрагменты его мудрости и неясные нити к ответу, который ищущ; а ночами, как и прежде, мучаюсь от бессонницы, валяясь на одеяле на твердом земляном полу наспех построенной хижины.

Мое скромное жилище стоит примерно в трехстах шагах от дома Учителя. Толстые стены сложены из

плотных глиняных кирпичей, покрытых слоем штукатурки; прочная черепица крыши защищает от сезонных дождей. Вокруг сильно разросся девственный кустарник, отделяя от джунглей на западе. Пересеченный ландшафт демонстрирует природу во всем ее диком великолепии. Заросли кактусов беспорядочно разрослись по округе, их шипы похожи на грубые иголки. Позади них стелются по земле мелкий кустарник и низкорослые деревья джунглей. На севере поднимается громада горы — массивные скалы с ржавыми пятнами и коричневая почва. К югу лежит длинное озеро, его спокойная вода притягивает меня, а по его берегам видны рощицы деревьев со стайками серых и коричневых обезьян.

Дни повторяют друг друга. Я поднимаюсь рано, чтобы посмотреть, как рассвет в джунглях превращает мир из серого в зеленый, а затем в золотой цвет. Потом ныряю в озеро и быстро плаваю взад-вперед с жутким шумом, отпугивая притаившихся змей. За этим следует одевание, бритье и единственная роскошь, какую я могу себе позволить здесь — три чашки восхитительного освежающего чая.

— Мастер, горшок с чайной водой готов, — говорит Раджу, нанятый мною мальчик. Поначалу полный невежда в английском, он усвоил теперь так много из моих случайных уроков. Это бесценный слуга, он готов обрыскать весь городок с оптимистичным решением найти чудные вещи и еду, за которыми послал его западный господин; он готов вернуться в благоразумном молчании перед залом Махарши в часы медитации, чтобы быть всегда поблизости и в любой миг сорваться по приказу. Но повар он — никудышный и не в силах угодить западному вкусу, на его взгляд, крайне извращенному. После нескольких мучительных попыток я вынужден заняться кулинарией сам, и, чтобы уменьшить свои труды, сокращаю трапезы до одной в день. Три чаш-

ки чая ежедневно — последняя моя земная радость и поддержка моей энергии. Раджу встает с рассветом и с удивлением следит за моим вредным пристрастием к чудесному коричневому вареву. Его тело сияет на ярком солнце полированным эбонитом, ибо мальчик — истинный сын черных дравидов, первых обитателей Индии.

После завтрака я тихо и лениво прогуливаюсь до жилища Учителя, на пару минут останавливаюсь у кустов благоухающих роз в саду, обнесенном бамбуковой оградой, или отдыхаю под листвой пальм, чьи верхушки отягощены кокосами. Как прекрасно бродить по саду вокруг дома, пока солнце не вошло в силу, и наслаждаться ароматом различных цветов.

А потом я вхожу в зал, кланяюсь Махарши и спокойно сажусь, скрестив ноги. Я то читаю, то пишу, порой беседую с одним или двумя учениками, задаю какой-нибудь вопрос Махарши или же погружаюсь в часовую медитацию над словами, на которые укажет мудрец, хотя медитируют в зале по обыкновению вечером. Но чтобы я ни делал, я не перестаю осознавать мистическую атмосферу, животворное излучение, которое просачивается в мой мозг. Я радуюсь невыразимому спокойствию, когда в течение некоторого времени сижу поблизости от Махарши. Внимательно наблюдая и много анализируя, я прихожу к выводу, что и соседи взаимно влияют друг на друга. Это очень неуловимо. Но совершенно очевидно.

К одиннадцати часам я возвращаюсь в хижину для дневной трапезы и отдыха, а затем возвращаюсь в зал и повторяю утреннюю программу. Иногда вместо медитаций и бесед я гуляю по округе или спускаюсь в городок ради новых исследований колоссального храма.

Время от времени Махарши вдруг посещает мою хижину после ланча. И тогда я засыпаю его новы-

ми вопросами, на которые он отвечает сжатыми фразами, почти афоризмами, так они коротки и совершенны. Но однажды я выдвигаю новую проблему, и он не отвечает. Вместо этого он вглядывается в покрытые джунглями холмы на горизонте, оставаясь неподвижным. Долгие минуты текут своим чередом, но его глаза по-прежнему сосредоточены, и сам он — далеко. Я совершенно не разбираю, приковано ли его внимание к невидимому психическому существу в отдалении или же он впал во внутреннюю поглощенность. Сначала я пытаюсь понять, слышал ли он меня, но напряженное молчание, которое я не могу или не хочу нарушить, приносит ощущение силы, которая могущественнее моего рационалистического ума, и она вначале пугает, а потом захватывает меня полностью.

Я осознаю невольно, что все мои вопросы движутся в бесконечной игре, игре мыслей, не имеющих границ; но во мне есть источник уверенности, и он обеспечит меня всеми водами истины, каких я прошу; не лучше ли прекратить вопрошать, а попытаться понять огромные силы собственной духовной природы. Я молчу и жду.

Почти полчаса глаза Махарши неотрывно и неподвижно глядят перед собой. Он словно забыл обо мне, но я уверен, что мое внезапное возвышенное осознание — не что иное, как рябь телепатического излучения этого невозмутимого мистика.

А однажды он находит меня в полном пессимизме и начинает рассказывать о радостной цели, которая ждет человека на показанном им пути.

— Но, Махарши, эта тропа полна трудностей, а я так устал, — возражаю я.

— Человек сам создает себе препятствия, — отвечает он непреклонно, — когда отягощает себя страхом перед неудачей и мыслью о поражении.

— Но если это верно?.. — протестую я.

— Это не верно. Самая большая ошибка человека — думать, что он усталый от природы, злой от природы. Нет, каждый человек божествен и крепок в реальной природе своей. Усталость и зло — это его привычки, его желания и мысли, но не он сам.

Его слова приходят подкреплением, освежая и воодушевляя меня. Из уст другого человека, с более слабой и мелкой душой, я не принял бы их. Но внутренний наставник заверяет меня, что мудрец говорит на основании большого духовного опыта, а не неких теоретических философских размышлений.

Как-то мы спорим о Западе, и я колко возражаю:

— Легко достичь и сохранять духовную безмятежность в тихих джунглях, где ничто не тревожит и не отвлекает вас.

— Когда цель достигнута, когда вы познаете Знающего, нет разницы между лондонским домом и хижиной в джунглях, — приходит спокойный ответ.

И снова я критикую индийцев за их пренебрежение к материальному развитию. К моему удивлению, Махарши откровенно соглашается с обвинением.

— Это верно. Мы — отсталый народ. Но у такого народа немного и нужд. Наше общество нужно улучшать, но мы довольствуемся куда меньшим, чем вы. Пусть мы и отсталые, но это не означает, что мы менее счастливы.

* * *

Как Махарши приобрел свою необычную силу и еще более необычную точку зрения? Мало-помалу, из немногословных высказываний самого Мастера и его учеников, я собрал воедино обрывки истории его жизни.

Он родился в 1879 году в деревне милях в тридцати от Мадур. Этот город известен в Южной Индии одним из самых больших храмов в стране. Его

отец выбрал профессию юриста, ибо происходил из хорошей брахманской семьи. Похоже, он был крайне щедрым человеком, ибо кормил и одевал множество бедняков. Мальчик отправился за образованием в Мадур и учился основам английского языка у американских миссионеров, которые открыли в городе школу.

Сначала юному Рамане нравились игры и спорт — борьба, бокс, плавание по бурным и опасным рекам. Он не интересовался ни религиозными, ни философскими вопросами. Необычным в его жизни была только склонность к сомнамбулизму, он разгуливал в таком глубоком сне, что его не могли разбудить никакие оклики и тычки. Его соученики в конце концов обнаружили это и начали этим пользоваться. Днем они боялись его быстрых ударов, зато ночами приходили в спальню и, выведя мальчика на спортивную площадку, били его. Затем они вели его назад в постель, а он, не осознавая происходящего, ничего не помнил по утрам.

Психолог, правильно понимающий природу сна, найдет в этом явное указание на мистический характер мальчика. Однажды Мадур посетил родственник Раманы и в ответ на расспросы последнего упомянул, что только что вернулся из паломничества к храму Аруначалы. Это название затронуло дремлющее подсознание мальчика и наполнило Раману необычным и непонятным ему самому ожиданием. Он расспросил об окрестностях храма, а после только о нем и думал, словно храм обладал для него какой-то особой притягательностью. Но мальчик не мог даже объяснить себе, почему Аруначала для него важнее дюжины других великих храмов, разбросанных по всей Индии.

Он продолжал занятия в миссионерской школе уже безо всякого интереса, хотя всегда отличался большой сообразительностью. Когда же ему испол-

нилось семнадцать, судьба быстрым и внезапным ударом заставила его действовать, вытолкнув из обычного течения дней. Рамана вдруг оставил школу и полностью отказался от всех занятий, ничего не сказав заранее ни учителям, ни родичам. Что послужило причиной такой решительной перемены, что затмило его перспективы в будущем?

Причина показалась ему значительной, хотя многих других поставила бы в тупик. Ибо жизнь, этот главный учитель человека, увела юного студента иным течением, пусть школьные учителя и готовили ему другой путь. Перемена заняла около шести недель, а потом он бросил занятия и исчез из Мадуры навсегда.

Однажды он сидел один в своей комнате, и внезапный необъяснимый страх смерти охватил его, острое осознание, что он — на пороге смерти, хотя внешне мальчик был в добром здравии. Это был психологический феномен, ведь ни по каким видимым причинам он не должен был умереть. Но эта мысль не отступала, и он приготовился к грядущему событию.

Рамана ничком распростерся на полу в позе трупа, закрыл глаза, рот и задержал дыхание. «Хорошо, — сказал он себе, — это тело мертво. Его отнесут к погребению, а потом оно превратится в пепел. Но умру ли я вместе со смертью тела? Тело — это я? Сейчас оно молчаливо и неподвижно. Но я продолжаю чувствовать полную силу себя самого отдельно от его состояния».

Так Махарши описал свой роковой опыт. Что случилось потом, сложно понять, хотя легко описать. Он словно впал в продолжительный сознательный транс и оказался поглощен самим источником своего «Я», самой сутью существа. Он понял совершенно ясно, что «Я» неподвластно смерти отдельно от тела. Истинное «Я» было самой реаль-

ностью, но не замечаемое человеком скрывалось глубоко в его натуре.

Изумительный опыт полностью изменил Раману. Он потерял интерес к занятиям, спорту и друзьям и хотел лишь одного — оказаться в центре тонкого сознания себя истинного, найденного так неожиданно. Страх смерти исчез так же мистически, как и пришел. Он радовался внутренней безмятежности и духовной силе, которая с тех пор никогда не оставляла его. Прежде Рамана был скор на ответную расправу с мальчиками, когда те поддразнивали его или позволяли себе вольности, но теперь он со всеми вел себя очень кротко. Он равнодушно сносил несправедливость и жил с полным смирением; оставил старые привычки и искал одиночества как можно чаще, ведь тогда юноша погружался в медитацию, поглощенный потоком божественного сознания, которое неизменно притягивало его внимание внутрь.

Глубокие изменения в его характере заметили и другие. Однажды его старший брат зашел в комнату и увидел, что мальчик вместо того, чтобы делать домашнюю работу, погружен в медитацию с закрытыми глазами. Учебники и бумаги с отвращением были отброшены в дальний угол. Брат, раздосадованный таким пренебрежением к занятиям, сказал ему:

— Если ты жаждешь судьбы йога, зачем тебе учиться ради карьеры?

Эти слова глубоко поразили юного Раману, он сразу осознал их правдивость и молча решил действовать в согласии с ними. Его отец умер, и он знал, что дядя и его старшие братья позаботятся о матери. Поистине, у него не было больше здесь никаких дел. И снова в его уме вспыхнуло название, пленившее юношу почти год назад, название храма Аруначала. Туда он и отправился, сам не понимая почему. Это решение было принято во внезапном порыве и совершенно непреднамеренно.

— Я был без преувеличения очарован, — сказал мне Махарши. — Та же сила, которая привела вас сюда из Бомбея, толкала из Мадуры и меня.

Повинуясь зову сердца, он оставил друзей, семью, школу, занятия, и отправился в дорогу, которая в конце концов привела его в Аруначалу и к духовному совершенству. Он оставил короткое прощальное письмо, которое еще хранится в жилище. Красивые тамильские буквы содержат следующее:

«Я ухожу отсюда на поиски моего Отца и в послушании Его приказу. Это только начало добродетельного предприятия. Поэтому не нужно горевать. Не ищите меня и не посылайте денег».

С тремя рупиями в кармане и полным незнанием мира он отправился в странствия на юг. Необычные случайности в этом путешествии убедительно доказывают, что некая мистическая сила защищала и вела его. Прибыв наконец на место, Рамана среди прочих паломников сильно нуждался. Но чувство полного отречения неугасимо горело в нем, таким было пренебрежение юноши ко всем земным владениям, что он выбросил одежду и, полностью обнаженный, принял медитативную позу в окрестностях храма. Жрец заметил это и начал увещевать его, но тщетно. Вышли другие ошеломленные жрецы, и общими усилиями они принудили юношу к уступкам. Он согласился носить набедренную повязку, но с того дня ни разу не надевал ничего иного.

Шесть месяцев он жил рядом с храмом и никуда не уходил. Он питался одним рисом, который раз в день приносил ему жрец, изумленный поведением юноши. Ибо Рамана тратил весь день на погружение в мистические трансы, и в глубоком духовном экстазе совсем не осознавал мир вокруг себя. Както местные мусульманские юноши закидали его грязью и убежали, а он часами не осознавал этого.

Поток пилигримов к храму мешал уединению, которого он жаждал, поэтому юноша оставил это место и ушел к тихому святилищу посреди поля, поодаль от деревни. Там он оставался полтора года. Он удовлетворялся едой, которую приносили немногочисленные посетители этого святилища.

Все это время он не разговаривал ни с кем; он ни разу не открывал уст для беседы за все три года после его прихода в Аруначалу. Не потому что он принял обет молчания, просто внутренний голос заставлял его сосредоточить всю его энергию и внимание на духовной жизни. Когда мистическая цель была достигнута и в молчании не было больше нужды, он снова заговорил, хотя Махарши — по-прежнему крайне молчаливый человек.

Он скрывался, но через два года после его исчезновения цепь случайностей привела к нему его мать. Она приехала вместе со старшим сыном и в слезах умоляла Раману вернуться домой. Парень даже не шевельнулся. Когда слезы не подействовали, она начала проклинать его равнодушие. В конце концов он написал на бумажке ответ, что высшая сила управляет судьбой человека, и что бы она ни делала, это не изменит его решение. Он посоветовал ей смириться и перестать оплакивать его. И мать уступила его упорству.

После этого случая люди стали приходить к святилищу, чтобы поглазеть на юного йога, и тогда он перебрался на холм Священного Огня в большую пещеру, где прожил несколько лет. В холме было совсем немного пещер, в каждой скрывался святой человек или йог. Но пещера, служившая защитой юному Рамане, считалась достопримечательностью, ибо в ней хранилась гробница великого йога прошлого.

По обычаю индусы кремируют своих мертвецов, но это запрещено по отношению к йогам, которые,

по поверью, пришли к высшему достижению. Говорят также, что живое дыхание или невидимый жизненный поток остается в их телах тысячи лет, не позволяя плоти гнить. Тело йога омывают, смазывают маслом и усаживают в гробницу со скрещенными ногами, как будто он все еще погружен в медитацию. Вход в гробницу обычно завален большим камнем и зацементирован, а мавзолеей становится местом паломничества. Согласно другому поверью, великих йогов не кремируют, потому что их тела не нуждаются в очищении огнем, ибо очищены их жизнью.

Интересно заметить, что пещеры всегда были излюбленным жилищем святых или йогов. Древние посвящали их богам; Заратустра, основатель персидского верования, медитировал в пещере, да и Мухаммед получил свой религиозный опыт в пещере. Индийские йоги не зря предпочитают пещеры или подземелья, если им недоступны леса. Пещеры укрывают их от непогоды и от резких перепадов температур при смене дня и ночи в тропиках, кроме того, в них меньше света и шума, нарушающих медитацию. А недостаток воздуха заметно уменьшает аппетит и способствует минимуму телесных забот. Еще по одной причине Рамана мог плениться одинокой пещерой на холме Священного Огня — это прекрасный вид. Стоя на отроге у пещеры, он видел, как городок тянется в далекую степь, а посередине высится гигантский храм. Вдали за степью длинная цепь холмов ограничивает чарующую панораму природы.

В любом случае, Рамана прожил в этой мрачной пещере несколько лет, занимаясь мистическими медитациями и погружаясь в глубокие трансы. Он не был йогом в ортодоксальном смысле, ибо никогда не изучал ни одной системы йоги и никогда не занимался ни у одного учителя. Внутренняя тропа, ка-

кой он следовал, была дорогой самообразования; ее он получил от внутреннего своего наставника..

В 1905 году в край пришла чума. Ужасного го-
стя принес, возможно, какой-то паломник храма
Аруначалы. Чума опустошала местность столь сви-
репо, что почти все жители оставили городок и
бежали в ужасе к более безопасным деревням или
городам. Край обезлюдел так, что тигры и леопарды
вышли из своих логовищ в джунглях и открыто
бродили по улицам. Хотя они проходили по скло-
ну холма не единожды — ведь он был у них на
пути к городку — и они не могли миновать пе-
щеру Махарши, он отказался уехать, оставаясь спо-
койным и неподвижным, как и прежде.

Тем временем юный отшельник невольно приоб-
рел ученика. Одинокий человек сильно привязался
к нему и настойчиво оставался около Раманы, по-
могая в его нуждах. Он уже умер, но другие учени-
ки передают легенду, как каждую ночь большой
тигр приходил к пещере и лизал руки Рамане, а от-
шельник в ответ ласкал тигра. Зверь сидел с ним
всю ночь и уходил только на рассвете.

По всей Индии широко распространено мнение,
что йоги и факиры, живущие в джунглях и горах,
не опасаются львов, тигров, змей и других диких
тварей на определенной ступени йоги. А вот другая
история о Рамане. Однажды, после полудня, он си-
дел перед узким входом в свое жилище, а из скал
выползла огромная кобра. Она остановилась перед
ним, приподнялась и раскрыла капюшон, но отшель-
ник даже не двинулся. Два существа — человек и
змея — смотрели друг на друга несколько минут, гла-
за в глаза. А потом змея удалилась, не тронув его,
хотя и была на расстоянии броска.

Суровая одинокая жизнь странного юноши созда-
ла в глубочайшей точке духа твердое и непоколеби-
мое основание. Затворничество перестало быть на-

сущной необходимостью, но он по-прежнему жил в пещере, пока посещение знаменитого брахмана пандита, Ганапати Шастри, не оказалось очередным поворотным моментом в его внешней жизни. — Начался ее социальный период. Пандит решил пожить у храма в занятиях и медитации. Он услышал случайно о юном йоге на холме и из любопытства отправился на его поиски. Когда он нашел Раману, последний смотрел на солнце. Не совсем обычное занятие для отшельника — часами не отводить глаз от ослепительного солнца, пока то не исчезнет за западным горизонтом. Слепящий свет лучей послеполуденного солнца в Индии вряд ли оценит европеец, ни разу его не испытавший. Я помню, как однажды решил подняться на крутой холм в неурочный час, и полдневный блеск солнца поймал меня на голой тропе во время возвращения. Я шатался и спотыкался как пьяный. Поэтому лучше могу оценить подвиг юного Раманы, который, подняв лицо, терпел безжалостный жар солнца, не мигая.

Пандит дюжину лет изучал главные книги индуистской мудрости и испытал все суровые испытания в попытке достичь заметной духовной пользы, но по-прежнему сомнения и растерянность угнетали его. Он задал вопрос Рамане и через четверть часа получил ответ, изумивший пандита своей мудростью. Он начал расспрашивать дальше, увлеченный своими философскими и духовными проблемами, и был еще больше ошеломлен, прояснив сомнения, которые тревожили его годами. В результате он простерся ниц перед юным отшельником и стал его учеником. У Шастри были свои последователи в городе Веллуру, он вернулся к ним и сказал, что нашел Махарши (Великого Мудреца или Искателя). Ибо последний, несомненно, человек высочайшего духовного прозрения, а его поучения так оригинальны, что пандит не находил ничего подобного ни в одной книге. С того

времени культурные люди стали добавлять титул Махарши к имени юного Раманы. Народ же в целом, узнав получше его жизнь и характер, хотел поклоняться ему как божеству. Махарши решительно запретил тогда любые признаки богослужений в своем присутствии. Но между собой и в частных беседах со мной большинство его приверженцев и местные жители упорно называют его богом.

Вскоре к Махарши присоединились первые ученики. Они построили деревянный дом на нижнем отроге холма и убедили его жить с ними. Мать позднее приезжала к нему с короткими визитами и примирилась с его призванием. Когда смерть разлучила ее со старшим сыном и другими родичами, она пришла к Махарши и просила разрешения жить с ним. Он уступил. Она провела свои последние шесть лет жизни рядом с Раманой, и сама стала пылким учеником своего сына. В ответ на гостеприимство она готовила еду.

Когда старая леди умерла, ее пепел сожгли у подножия горы, а приверженцы Махарши построили маленькое святилище над этим местом. Священные лампы вечно горят в память женщины, давшей человечеству великого мудреца, а лепестки ароматных жасминов и ноготков брошены на изящный алтарь в дар ее духу.

С течением времени репутация Махарши как мудреца стала известна по всей округе, и пилигримы к храму Аруначалы часто поднимались на холм, желая увидеть его перед возвращением домой. Со всем недавно Махарши уступил беспрестанным просьбам и согласился переселиться в новый и большой дом у подножия холма, резиденцию Мастера и его учеников.

Махарши просит только еду и постоянно отказывается от денег. Все дары добровольно навязываются ему другими. В ранние годы, когда он пытал-

ся жить уединенно, когда он построил вокруг себя стену почти непроницаемого молчания и искал духовную силу, он не гнушался оставлять пещеру с чашей для подаяния и шел в деревню за едой, едва его тело начинали терзать когти голода. Старая вдова жалела юношу, постоянно давая пищу, а потом и вовсе вдохновилась приносить ее прямо к пещере. Это отчасти подтверждало риск его затеи ради веры оставить свой удобный дом среднего класса, но высшие силы всегда обеспечивали его укрытием и едой. С тех пор ему предлагалось множество даров, но он, как правило, возвращал их.

Не так давно шайка злодеев вломилась ночью в его дом, они искали деньги, а нашли лишь пару рупий у человека, покупавшего для всех еду. Грабителей так разозлила неудача, что они до синяков поколотили Махарши крепкими дубинками. Мудрец не только терпеливо снес нападение, но предложил им немного поесть. В его сердце не было ненависти к ним — только жалость к их духовному невежеству. Он свободно отпустил их, но в том же году бандитов поймали на месте преступления где-то еще, и они были приговорены к каторжным работам.

На Западе многие наверняка сочтут жизнь Махарши бесполезной. Но, может, и нам неплохо бы иметь людей, которые вдали от нашего мира бесконечных дел и суеты со стороны обзрывают его ради нас. Внешний наблюдатель видит больше, а порой дает более верную перспективу. Мудрец из джунглей, подчинивший свое «Я», вряд ли хуже глупого мирянина, которого обстоятельства носят как перекати-поле.

* * *

Каждый новый день приносит свежие доказательства величия этого человека. Среди самых разных

его посетителей в зал однажды заходит отверженный со страдающей душой, он изливает свои напасти у ног Махарши. Мудрец не отвечает. Он всегда молчалив и замкнут; слова, произнесенные им за день, можно сосчитать по пальцам. Вместо этого Махарши спокойно смотрит на страдающего человека, и крики бедолаги постепенно стихают, а через пару часов человек оставляет зал куда увереннее и тверже душой.

Я учусь у Махарши этой помощи людям, этому ненавязчивому, молчаливому, но мощному целительному потоку вибраций в тревожные души, мистической телепатии, которой наука однажды даст оценку.

Культурный брахман с высшим образованием приходит, не уверенный заранее, даст ли ему мудрец словесный ответ, ведь он часто красноречив, не открывая губ. Но сегодня Махарши более общителен и дарит несколько кратких выразительных фраз с глубоким смыслом, которые, как обычно, открывают многообразие его мыслей посетителю.

В зале полно посетителей и приверженцев, когда приходит новость о смерти человека, чья преступная репутация — притча во языцех в городке. Сразу же возникают пересуды о нем, что свойственно человеческой природе, люди рассказывают о его преступлениях и трусливом характере. Когда гул голосов стихает, Махарши впервые открывает рот и тихо замечает:

— Да, но он был очень чистоплотен, ибо омывался два или три раза в день!

Крестьянин со своей семьей прошел около сотни миль, чтобы заплатить мудрецу молчаливым уважением. Он совсем невежествен, и знает только свои ежедневные труды, религиозные ритуалы да вековое суеверие. Он слышал от кого-то, что бог в человеческом обличье живет у подножия холма

Священного Огня, и теперь тихо сидит на полу, после того как трижды простерся ниц. Крестьянин твердо верит, что благословение духа или судьбы сойдет на него после этого путешествия; Его жена изящно опускается на пол рядом с ним. Она одета в пурпурное платье, которое струится с головы до лодыжек и обертывает ее талию. Ее лоснящиеся гладкие волосы блестят от ароматного масла. Родителей сопровождает дочка, прелестная девочка, на чьих лодыжках кольца позвякивают в такт шагам. Она следует милому обычаю носить белый цветок за ухом.

Маленькая семья несколько часов сидит, не произнося ни слова и почтительно глядя на Махарши. Его присутствие наделяет их духовной стойкостью, эмоциональным блаженством и — парадоксальнее всего — обновлением веры в свои убеждения. Ибо для мудреца равны все верования, как значительные и искренние выражения великого опыта. Он почитает Иисуса не меньше чем Кришну.

Слева от меня сидит старик семидесяти пяти лет с куском бетеля за щекой. В руках он держит книгу на санскрите, и его глаза с тяжелыми веками глядят задумчиво на четкие буквы. Этот брахман долгие годы работал стационарным смотрителем близ Мадраса, в шестьдесят лет оставил службу, а вскоре после этого умерла его жена. Тогда он воспользовался случаем и последовал своим давним устремлениям. Четырнадцать лет путешествовал брахман по стране, ездил паломником к мудрецам, святым и йогам в поисках того, чьи учения и личность всерьез затронут его душу. Он трижды обогнул Индию, но не нашел Мастера, достойного его высокого стандарта. Мы как-то встретились и обменялись взглядами, он сетовал тогда на неудачу. Его резкое честное лицо, изрезанное темными бороздами морщин, понравилось мне. Он не был интеллектуалом и пол-

ностью полагался на интуицию. Будучи значительно моложе его, я посчитал себя обязанным дать ему добрый совет! Ответом была удивительная просьба стать его Учителем! «Ваш Мастер недалеко», — сказал я ему и направил прямо к Махарши. Он не долго спорил со мной и стал горячим приверженцем мудреца.

Другой человек в зале — в очках и шелковом костюме, — процветающий на вид судья, он воспользовался перерывом в законодательной сессии и посетил Махарши. Он — и суровый ученик, и пламенный поклонник — всегда приезжает не меньше раза в год. Этот культурный, изящный и высокообразованный джентльмен демократично сидит среди тамильских бедняков, которые обнажены по пояс и вымазаны маслом, так что их тела блестят подобно лакированному эбониту. Человек, собравший их вместе, разрушает нетерпимый снобизм каст. Он создает единство, которое издревле заставляло принцев и раджей приходить из дальних краев и советоваться с лесными риши, — глубокое признание истинной мудрости ценилось выше внешних различий.

Молодая женщина с красиво одетым ребенком входит и простирается в благоговении перед мудрецом. Речь идет о глубоких проблемах жизни, и поэтому она садится в молчании, не отваживаясь принять участие в умной беседе. Знания не считаются украшением индийской женщины, и она мало что знает, кроме кулинарии и домашних дел. Но она знает о присутствии неоспоримого величия.

С наступлением сумерек в зале наступает время для общей медитации. Нередко Махарши подает сигнал, входя мягко и почти незаметно в транс и уводя свои чувства из внешнего мира. В этих ежедневных медитациях рядом с могущественным мудрецом я узнаю, как уносить свои мысли все глубже внутрь себя. Невозможно часто общаться с ним и не

стать просветленным изнутри словно бы лучом из его духовной орбиты. Все больше я осознаю, как он притягивает к себе мой ум во время этого тихого отдыха. И тогда начинаешь понимать, почему молчание этого человека значительнее его слов. Его тихая спокойная уравновешенность скрывает динамичное достижение, которое сильно влияет на личность без слов или зримых действий. Бывают моменты, когда я ощущаю его власть так сильно, что если бы он отдал самый сложный приказ, я охотно бы подчинился. Но Махарши — последний человек в мире, который мог бы связать своих приверженцев цепями раболепного послушания, он дает каждому полную свободу действий. И этим он сильно отличается от большинства учителей и йогов, каких я только встречал в Индии.

Мои размышления идут тем путем, на который он указал при первом моем посещении. Тогда меня мучила неопределенность его ответов. А ныне я начал смотреть в самого себя.

Кто Я?

Я — это тело из крови, плоти и костей?

Или Я — ум, мысли и чувства, которые отличают меня ото всех других?

До сих пор на эти вопросы естественными и беспрекословными считались утвердительные ответы, но Махарши предостерег меня от согласия с этой аксиомой. Но он не формулирует систематическое учение. Суть его послания такова:

«Неустанно задавайте себе вопрос «Кто Я?». Анализируйте вашу личность. Пытайтесь выяснить, откуда начинается ваша мысль о «Я». Продолжайте медитации. Будьте внимательны к себе внутреннему. Однажды колесо мысли замедлится, и взамен мистически придет интуиция. Следуйте интуиции, остановите ваши мысли, и это в конце концов поведет вас к цели».

Я ежедневно борюсь с мыслями, медленно пробираясь к внутренним тайникам ума. С помощью Махарши мои медитации и внутренние монологи час от часу становятся все менее утомительными и более действенными. Мои постоянные усилия вдохновляются стойким предчувствием и ощущением бытия. В эти странные часы я ясно сознаю невидимую силу мудреца, властно влияющую на мой ум и помогающую проникнуть все глубже в закутанные пеленой пограничные области бытия, которые окружают ум человека.

Все вечера заканчиваются одинаково — зал пустеет, мудрец, его ученики и посетители переходят ужинать в столовую. Когда я не хочу ужинать с ними или готовить себе сам, я остаюсь в одиночестве до их возвращения. Но на столе Махарши есть продукт, который я считаю необыкновенно вкусным, — простокваша. Махарши, узнав о моих предпочтениях, обычно просит повара приносить мне еженощно полную чашку этого напитка.

Через полчаса обитатели дома и оставшиеся на ночь посетители возвращаются из столовой, заворачиваются в простыни или тонкие хлопковые одеяла и укладываются спать на полу зала. Сам мудрец спит на диване. Прежде чем он укроется белой простыней, преданный помощник основательно растирает маслом конечности Учителя.

Я беру железный фонарь, оставляю зал и выхожу на одинокую прогулку к своей хижине. Бесчисленные светляки порхают среди цветов и деревьев в саду. Однажды я возвращался на два или три часа позднее, около полуночи, и увидел, как эти странные насекомые тушат свои необычные огоньки. Их невероятно много в густых зарослях кустарника и кактусов, сквозь которые я прохожу. Нужно быть осторожным, чтобы не наступить в темноте на скорпиона или змею. Временами поток медитации за-

хватывает меня так глубоко, что я не могу и не хочу останавливать его и едва замечаю узкую освещенную полоску земли под ногами. Придя в свою скромную хижину, я закрываю плотно подогнанную тяжелую дверь и ставни на окнах без стекол, чтобы спастись от вторжения непрошенных гостей. Мой последний взгляд на рощу пальм неподалеку от поляны; серебристый лунный свет струится над переплетением их перистых верхушек.

Глава 17

СКРИЖАЛИ ЗАБЫТОЙ ИСТИНЫ

Как-то после полудня я вижу нового посетителя. Он величавым шагом проходит в зал и садится неподалеку от кушетки Махарши. У него крайне темная кожа и очень утонченное лицо. Он не произносит ни слова, но Махарши сразу же одаряет его радушной улыбкой.

Новый человек поражает меня. Он похож на статую Будды, такое сверхъестественное спокойствие написано на его лице. Наши глаза встречаются, он долго и пристально смотрит на меня, пока я в тревоге не отворачиваюсь. Весь вечер он упорно молчит.

А снова мы встречаемся совсем неожиданно и при необычных обстоятельствах на следующий же день. Я покидаю зал и иду к себе готовить чай, ибо слуга Раджу ушел за чем-то в город. Открыв тяжелую дверь, я ставлю ногу на порог и вдруг вижу, как по полу что-то движется и останавливается в нескольких дюймах от меня. Скользящие движения и слабое шипение предупреждают меня раньше, чем зрение, что в комнате — змея. На миг меня охватывает такой ужас подстерегающей смерти у своих ног, что я совершенно теряюсь, — что же делать? Тварь

завораживает меня взглядом. Мои нервы на пределе. Ужас и отвращение поднимаются из глубин моего сердца, но мои глаза по-прежнему смотрят на изящные очертания головы твари. Внезапная встреча абсолютно ошеломила меня. Злобная рептилия продолжает хладнокровно и зловеще следить за мной, а ее капюшон поднимается вокруг жилистой шеи.

Наконец я овладеваю своими чувствами и резко отшатываюсь с намерением найти тяжелую палку и сломать ей позвоночник. Как вдруг на поляне появляется вчерашний посетитель. Вид его благородного лица со взглядом величественного раздумья восстанавливает мое самообладание. Он подходит к порогу моей хижины, одним взглядом оценивает ситуацию и невозмутимо заходит в комнату. Я окриком предупреждаю его, но он не обращает внимания. Мои нервы снова напряжены. Ибо безоружный человек протягивает к змее обе ладони!

Ее раздвоенный язык движется в открытой пасте, но она не нападает на него. В этот миг два человека, услышав мой крик, спешат к хижине от озера, где умывались. Не успевают они добежать к нам, как странный посетитель приближается к змее, которая сгибает перед ним голову, и легко ударяет ее по хвосту! Ядовитые зубы останавливают свое зловещее движение в изящной, но злобной голове. Потом гибкое тело змеи быстро изгибается, и, словно опомнившись, она быстро выскальзывает из хижины в безопасный подлесок джунглей.

— Молодая кобра, — замечает один из подбежавших. Это — главный купец городка, он часто приходит оказать уважение мудрецу или поболтать со мной.

Я изумлен бесстрашием, с каким мой первый гость обошелся со змеей, и купец поясняет:

— Ах, это йог Рамия. Один из лучших учеников Махарши. Замечательный человек!

Невозможно побеседовать с йогом, ибо его особая дисциплина предписывает строгое молчание. К тому же, он из края телугу. И если его знакомство с английским ограничено, то мое с телугу почти на нуле. Держится он крайне замкнуто и, как правило, ни с кем здесь не общается; а живет в крохотном домике из камня, который построил под тенью громадных валунов по ту сторону озера. Он уже десять лет ученик Махарши.

Но через пропасть между нами вскоре перекинут мост. Мы встречаемся у озера, куда он пришел с медным кувшином для воды. Его темное загадочное, но доброе лицо снова поражает меня, и я, случайно прихватив камеру, с помощью жестов прошу разрешения сфотографировать его. Он не возражает, а после даже идет за мной к хижине. Там мы видим бывшего станционного смотрителя, который сидит на корточках перед дверью и ожидает моего прихода.

Я выясняю, что старик знает телугу не хуже английского и вполне способен служить переводчиком. Записи карандашом заменяют нам устную речь. Йог не очень общителен, ему не нравится давать интервью, но я ухитряюсь узнать о нем побольше.

Йогу еще нет сорока. Он владеет земельной собственностью в округе Неллуру, и, хотя формально не отказался от мира, предоставил семье следить за доходами, чтобы больше времени уделять йоге. У него есть свои ученики в Неллуру, но ежегодно он оставляет их на два-три месяца ради посещения Махарши.

В молодости он объехал всю Южную Индию, активно ища мастера йоги, учился у разных учителей, развил необычные способности и легко овладел дыхательными упражнениями и медитацией. Юноша быстро обогнал своих учителей и начал получать опыт, который они не смогли удовлетворительно

объяснить ему. Наконец он пришел к Махарши, и тот сразу дал ему правильные объяснения и помог в дальнейшем развитии.

Йог Рамия говорит мне, что он приехал с личным слугой месяца на два и рад найти западного человека, заинтересовавшегося древней мудростью Востока. Я показываю ему иллюстрированный английский журнал, и он делает любопытное замечание по поводу одной картинки: «Когда ваши западные мудрецы перестанут улучшать и без того быстрые машины, а посмотрят в самих себя, ваш народ станет счастливее. Разве ваши люди становятся радостнее всякий раз, когда покупают еще более быстрый автомобиль?»

Напоследок я спрашиваю его о молодой кобре. Он с улыбкой пишет ответ: «С чего мне бояться ее? Я приближался не с ненавистью, а с любовью в своем сердце ко всему живому». Я улавливаю за словами йога нечто большее, чем сентиментальное объяснение, но без дальнейших расспросов провожаю его к одинокому жилищу за озером.

Недели за неделей проходят после нашей первой встречи с Рамией, и я узнаю его немного лучше. Мы часто встречаемся на полянке у моей хижины, или на берегу озера, или даже возле его дома. Я нахожу в его взгляде на жизнь нечто схожее с моими представлениями, а его темные большие глаза обладают невероятным успокаивающим очарованием. У нас возникает странная молчаливая дружба, которая достигает кульминации в тот день, когда он благословляет меня легким ударом по голове, а затем кладет обе мои руки на свою. Кроме пары записок на телугу, которые старик перевел для меня, мы не произнесли ни слова. Но я ощущаю, как возникают между Рамией и мной отношения, которые ничто не разрушит. Время от времени я сопровождаю его в коротких прогулках по джунглям, а пару раз мы с

трудом поднимаемся на крутые холмы среди огромных валунов. Но где бы мы ни ходили, его фигура все так же величественна, а благородной осанкой мне остается только восхищаться.

Очень скоро я получаю новое подтверждение его сверхъестественной власти. Меня находит письмо с дурными новостями. Мои финансовые поступления неожиданно начинают иссякать, и мое пребывание в Индии должно быть прекращено. Я, конечно, могу радоваться гостеприимству дома Махарши, которое, без сомнений, предложат мне ученики, но такое положение идет вразрез с моими представлениями. И кроме того, дело связано с такими обязательствами, что я считаю своим долгом вернуться и возобновить свою деятельность на Западе.

Новости испытывают стойкость моего обучения ума и духа, но я совсем не заслуживаю похвалы. Мне плохо, я не могу установить обычный внутренний контакт с Махарши в зале и быстро оставляю его после короткого посещения. Остаток дня я безутешно брожу по округе, молчаливо бунтуя против разрушающей власти судьбы, которая одним ударом опрокидывает все наши планы.

Вернувшись в хижину, я бросаю усталое тело, а с ним и еще более усталый ум на одеяло. И, наверно, крепко засыпаю, ибо чуть позднее меня будит легкий удар в дверь. Я прошу посетителя войти. Дверь очень медленно открывается, и к моему удивлению в хижину входит Рамия.

Я поспешно встаю, и мы садимся друг напротив друга. Он внимательно смотрит на меня, в его глазах — вопрос. Я наедине с человеком, языка которого не знаю, а он ни слова не понимает по-английски. Но странное чувство побуждает меня высказаться на совершенно чужом ему языке. Я жду почти чуда, надеясь, что он уловит мои мысли, если не поймет слова! Парой отрывистых фраз я говорю о

трудностях, которые внезапно обрушились на меня с небес, и дополняю речь отчаянными жестами.

Рамия слушает тихо, а когда я заканчиваю, с серьезной симпатией кивает в ответ. Затем он поднимается и жестами приглашает меня пойти за ним. Наша тропа ведет сквозь тенистые джунгли, но вскоре выходит на большую поляну, где мы выставлены напоказ пеклу послеполуденного солнца. Я иду за ним еще полчаса, а потом в тени баньяна даю отдых изнуренному телу. Отдохнув немного, мы идем еще полчаса в кустарнике джунглей и спускаемся наконец к большому озеру путем, явно давно знакомым Рамие. Наши ноги тонут в мягком береговом песке, когда мы поднимаемся к заводи, заросшей цветами лотоса.

Йог выбирает тень неожиданно низкого дерева и садится под ним. Я опускаюсь на песок рядом. Кустистая голова пальмиры раскрыта над нами огромным зонтиком. Мы совершенно одни в этом тихом уголке нашего вращающегося земного шара, ибо пустынный ландшафт только через пару миль вновь встретится с густыми холмистыми джунглями.

Рамия скрещивает ноги, подворачивая под себя ступни в своей обычной медитативной позе, и пальцем подзывает меня поближе. Затем его безмятежное лицо поворачивается, устремляя глаза через озеро, и он быстро погружается в состояние глубокой медитации.

Минуты медленно текут мимо, а Рамия все так же неподвижен, его лицо спокойно, как гладь озера перед нами, а тело вписано в пейзаж природы подобно дереву, которое не шевельнет и ветерок. Проходит полчаса, а он все сидит под пальмирой, очень странный и очень тихий, поглощенный молчанием. Его лицо теперь спокойнее обычного, а твердый взгляд глядит или в пустоту, или на дальние холмы — я не знаю.

Вскоре я остро осознаю молчание природы вокруг нас и изумительное спокойствие спутника. Мало-помалу, незаметно подкрадываясь с неизменной мягкостью, мир снисходит на мою душу. Настроение безмятежного торжества над личными неудачами, которого я не мог достичь раньше, приходит ко мне. Йог мистически помогает мне, я не сомневаюсь в этом. Едва ли слышно его дыхание, так он погружен в глубочайшее созерцание. Каков секрет его возвышенного состояния? В чем источник благотельного излучения, исходящего от него?

С приближением вечера жара спадает, и горячий песок начинает остывать. Золотой луч заходящего на западе солнца падает на лицо йога, ненадолго превращая его неподвижное тело в идола с ореолом. Я перестаю думать о нем и снова обращаюсь к радости возрастающего покоя в моем существе. Перемены и случайности мирского существования обретают нужную пропорцию, когда я начинаю жить в своих, более божественных, глубинах. Я постигаю с изумляющей ясностью, что человек со спокойствием посмотрит на свои напасти, если найдет точку опоры в глубине себя; глупо цепляться за быстротечные удобства мирских надежд, когда неизменная божественная защита только и ждет нашего согласия. Я понимаю, почему Галилеянин велел своим ученикам не думать о завтрашнем дне, ведь высшая власть думает о них. Когда человек принимает это приглашение довериться пророческой стихии его существа, он пройдет сквозь превратности жизни в этом мире без страха и нерешительности. Я чувствую, что фундаментальная ценность жизни рядом и в ее спокойствии не существует забот. Ноша, которая тяжким грузом лежит на моих плечах, исчезает с изменением духовной атмосферы.

В своем чудесном опыте я почти не замечаю времени и не в силах удовлетворительно объяснить та-

инство божественного внутреннего состояния и его независимости от любых временных чувств. Незаметно падают сумерки. Где-то в смутных тайниках памяти я осознаю, что ночь удивительно быстро наступает в тропиках, но совсем не беспокоюсь. Мне достаточно того, что этот поразительный человек продолжает сидеть рядом и вести меня внутрь, к наивысшему добру и умиротворению.

Когда он наконец легко касается моей руки, веля подняться, темнота вокруг полная. Рука об руку мы бредем домой в ночи по одинокой пустоши, без света и тропинки, ведомые только таинственным чувством местности йога Рамаи. В любое другое время меня терзали бы неприятные страхи, ибо прошлый опыт ночевки в джунглях оставил жуткие воспоминания; мир невидимых живых тварей был совсем близко, а звери бегали повсюду. На мгновение вспыхивает перед моим мысленным взором образ пса Джеки, который часто сопровождает меня в моих прогулках по округе и разделяет со мной трапезы в хижине. На его горле — два шрама от укусов гепарда, а его несчастный собрат был схвачен тем же гепардом и пропал навсегда. Возможно, и я увижу горящие нефрито-зеленые глаза крадущегося голодного гепарда, или нечаянно наступлю в темноте на кобру, которая свернулась кольцами на земле, или мои сандалии наткнутся на скорпиона, смертоносное маленькое белое чудище. Но сразу же я стыжусь таких мыслей рядом с бесстрашным йогом, покоряясь его защищающей ауре, которая, по моим ощущениям, окутывает меня.

Странный хор природы, который начинается в Индии с рассветом, соперничает с еще более странным хором при наступлении ночи. Шакал тявкает в отдалении, эхом приходит ужасный рык дикого зверя, а когда мы приближаемся к озеру между нашими домами и нам пора расходиться, кваканье лягу-

шек, шорохи ящериц и летучих мышей достигают наших ушей.

Утром я открываю глаза навстречу солнечной вселенной, а сердце — ее солнечному посланию.

* * *

Мое перо может бесконечно рассказывать и о живописной жизни вокруг меня, и о беседах с Махарши, но пора заканчивать эту хронику.

Я внимательно изучал мудреца и неизменно видел в нем дитя далекого прошлого, когда открытие духовной истины считалось не менее ценным, чем открытие золотого рудника сегодня. Во мне все сильнее крепнет чувство, что в тихом укромном уголке Южной Индии я следую за одним из последних духовных сверхлюдей Индии. Спокойная фигура мудреца как бы приближает легендарные фигуры древних Риши этой страны. Чувствуется, что самая удивительная часть этого человека скрыта. Ускользают самые глубины его души, которые, как подсказывает мне инстинкт, отягощены грузом великой мудрости.

Время от времени он по-прежнему странно отстранен, в другой раз доброе благословение его внутреннего великодушия привязывает меня к нему стальными обручами. Я научился покоряться загадке его личности и принимать его таким, какой он есть. Но хотя он хорошо защищен от внешних соприкосновений, любой найдет нить Ариадны, если пойдет по его внутренней тропе, ведущей к духовному соприкосновению. Он нравится мне. Ибо он прост и скромен, хотя атмосфера подлинного величия ощутимо окружает его. Ибо он не намекает на оккультные силы и иерофантическое знание, дабы поразить склонную к мистике натуру его соотечественников. И он начисто лишен любых сле-

дов претенциозности, твердо отвергая все усилия канонизировать его при жизни.

Мне кажется, что присутствие такого человека, как Махарши, обеспечивает историческую преемственность в получении божественного послания, недоступного всем нам. И необходимо признать, что такой мудрец приходит открыть нечто, ничего не доказывая нам. В любом случае, его учения сильно притягивают меня, ибо его личное отношение и практические методы абсолютно научны на свой манер. Он не ссылается на сверхъестественную власть и отрицает слепую религиозную веру. Высокая духовность Махарши и рациональный подход его философии отзываются лишь слабым эхом в вон том храме. Даже слово «Бог» редко слетает с его губ. Он избегает темных и спорных вод волшебства, где столько многообещающих путешествий закончились кораблекрушениями. Он просто ведет путем самоанализа, которым можно заниматься безотносительно любых древних и современных теорий и верований, и этот путь в конце концов приведет человека к истинному самопознанию.

В процессе этого самораскрытия я стараюсь стать простым цельным существом. Снова и снова я сознаю вторжение ума Махарши в мой ум, хотя мы ни слова не говорим друг другу. Тень скорого отъезда висит над моими стараниями, и я оттягиваю его, пока плохое здоровье вновь не вступит в игру, ускоряя бесповоротное решение уйти. Глубокая внутренняя потребность привела меня сюда, и она достаточно крепка, чтобы ниспровергнуть жалобы больного тела и усталого мозга, заставляя меня поддерживать пылкую настойчивость. Но нельзя долго отвергать Природу, и вскоре мне неминуемо угрожает физический упадок сил. Духовно моя жизнь приближается к наивысшему пику, но — странный парадокс! — физически она соскальзывает до самой

низкой точки. За несколько часов до последней встречи с Махарши меня колотит крупной дрожью, а лоб покрывается испариной с ненормальным обилием пота — это первые предвестники лихорадки.

Я поспешно возвращаюсь с осмотра потайных святилищ великого храма и вхожу в зал, когда вечерняя медитация уже наполовину прошла. Я тихо опускаюсь на пол и сразу принимаю обычную медитативную позу. Несколько секунд я собираюсь и с закрытыми глазами привожу сумятицу мыслей к устойчивому центру, упорно направляя сознание внутрь.

Образ сидящего Махарши ярко плывет перед моим мысленным взором. Следуя его постоянным советам, я пытаюсь прорваться сквозь картинку ума в нечто бесформенное, его реальное существо и внутреннюю природу, его душу. К моему удивлению, стремление увенчалось почти мгновенным успехом, и картинка исчезла, оставив меня просто с ощущением его близости.

Вопросы ума, которые отмечали большинство моих первых медитаций, в последнее время исчезают. Я неоднократно, по очереди, спрашиваю сознание о физических, эмоциональных и умственных чувствах, но не удовлетворенный в поиске себя, оставляю их. Теперь я посылаю сознание к его центру, стремясь познать начала. И наступает наивысший момент. В неподвижной концентрации мой ум тянется внутрь себя, а границы реального мира начинают размываться. Я окружен на время полной пустотой и прихожу в уме к пустой стене. И всеми силами поддерживаю сосредоточенное внимание. Но как трудно оставить ленивое безделье нашей поверхностной жизни и привести ум к высшей точке концентрации!

Нынче ночью я быстро взлетаю к этой точке, едва столкнувшись с постоянной последовательностью

мыслей — обычной прелюдией к этому достижению. Новая и властная сила динамично действует в моем внутреннем мире и ведет внутрь с неослабной скоростью. Первая великая битва закончена почти без удара, приятная счастливая легкость достигает высшего напряжения.

Потом я отстраняюсь от рассудка, сознающего, что он думает, ибо интуиция предупреждает меня, что это просто инструмент. Я наблюдаю за этими мыслями со странным отчуждением. Доселе я обычно гордился мыслительным процессом, но теперь бегу от него, ибо понимаю с изумительной ясностью, каким его бессознательным пленником был. Приходит внезапное желание стать вне интеллекта — и только быть. Я хочу проникнуть куда-то глубже мысли. Я хочу узнать чувство освобожденного от постоянного рабства ума, но сделать это с ясным пониманием и сознанием.

Очень любопытно стоять в стороне и наблюдать за мыслительным процессом, словно есть что-то еще; видеть, как возникают и исчезают мысли; а еще необычнее интуитивно понимать, что собираешься проникнуть в скрытые мистерии самых глубоких тайников души человека. Я чувствую себя Колумбом, открывающим неизвестные земли на карте континента. Полностью подвластное ожидание тихо трепещет во мне.

Но как отстраниться от вековой тирании мыслей? Я вспоминаю постоянные советы Махарши — не стараться силой остановить мысль. «Ведите мысль к ее первоисточнику, — говорил он неизменно. — Следите в самораскрытии за собой истинным, и ваши мысли умрут сами». И, чувствуя, что нашел источник начала мышления, я отдаюсь состоянию, которое приводит мое внимание к этой точке, окружая меня полной пассивностью, но продолжаю напряженное наблюдение, как змея за жертвой.

Это уравновешенное состояние царит, пока я не открываю истину предсказания мудреца. Волны мысли начинают естественно пропадать. Работа логики и рационализма нисходит к нулю. Я захвачен странным ощущением. Время головокружительно несется, а антенна моей интуиции быстро достигает неизвестного. Телесные чувства как бы исчезают: я больше не слышу, не чувствую, не помню — и понимаю, что в любой миг стану вне сущего, на самой границе мировой тайны...

Наконец это происходит. Мысль гаснет подобно задутой свече. Интеллект возвращается на реальную почву, и работа сознания не расстроена мыслями. Я постигаю то, в чем когда-то сомневался, несмотря на смелые утверждения Махарши. Ум поднимается к трансцендентальному источнику. Ум полностью отрешен, как в глубоком сне, но нет и толики потери сознания. Я остаюсь всецело спокоен и полностью сознаю, кто я и что происходит. Однако мое сознание выходит из узких рамок отдельной личности, оно превращается в нечто наивысшее и всеобъемлющее. «Я» еще существует, но оно изменено и лучезарно. Ибо нечто, значительно превосходящее мелочность личности этого «Я», глубокая божественность, поднимается в сознании и становится «мы». И тогда возникает изумительное и новое чувство абсолютной свободы, ибо мысль, подобная вечно снующему челноку ткацкого станка, освобождена от тиранического движения и выходит из тюрьмы на открытый воздух.

Я нахожусь за краем мирового сознания. Планета, которая так долго давала мне приют, исчезает. Я посреди океана пылающего света. Это — скорее чувствую, чем осознаю, — первичная материя, из которой созданы миры, первичное состояние вещества. И этот океан тянется несказанно бесконечным и невероятно живым космосом.

Я вдруг познаю смысл мистической вселенской драмы, разыгранной в космосе, которая вернулась теперь к первоначальной точке моего существа. Я, новый «Я», отдыхаю в подоле священного благословения. Я выпил платонический кубок Леты, и вчерашние горькие воспоминания и тревоги завтрашнего дня исчезли совершенно. Я достиг божественной свободы и почти невероятного блаженства. Мои руки с любовью обнимают все мироздание, ибо я понял глубоко и искренне, что узнать все — это не просто простить все, а полюбить все. Мое сердце возрождено в восхищении.

Как описать все произошедшее со мной потом, слишком тонкое для прикосновения моего пера? Однако звездные истины, узнанные мною, можно перевести на земной язык, и мои усилия не будут тщетными. И я пытаюсь хотя бы приблизительно вернуть воспоминания удивительного архаичного мира, что тянется без путей и без дорог за гранью человеческого разума.

* * *

** Человек — существо возвышенной природы. Более великое Бытие, чем его мать, вскормило его. В мудрейшие свои мгновения он может осознать это.*

** Некогда в далеком прошлом человек принес клятву возвышенной преданности и гулял вместе с богами в тюрбане божественного великолепия. Пусть ныне мир деянии взывает к нему с настоящей просьбой, и он отвечает на нее, но есть и не забывшие эту клятву, и человек вспомнит о ней в надлежащий час.*

** Нечто в человеке принадлежит к вечному первородному источнику. Он почти полностью отрицает себя истинного, но его отказ не повлияет и не изменит это сияющее величие. Человек может забыть*

о нем и всецело забыться в чувствах. Но однажды оно протянет руку и коснется его, и тогда человек вспомнит, кто он, и откроет свою душу.

* Человек не ценит себя истинного, ибо потерял божественное чувство. Поэтому он бежит за мнением другого человека, хотя мог бы получить полную духовную ясность внутри себя самого. Сфинкс обозревает неземной ландшафт. Его немигающий взор всегда направлен внутрь, и тайна его непостижимой улыбки — самопознание.

* Человек смотрит внутрь себя и постигает только неудовлетворительную брэнность, тьму и страх, но не нужно кривить губы в усмешке сомнения. Пусть он смотрит глубже и дольше, и тогда он осознает слабые знаки и подобные вздоху намеки в тишине своего сердца. Пусть он внимательно отнесется к ним, тогда они оживут и станут высочайшими мыслями, пересекут порог его ума странствующими ангелами и станут предвестниками голоса, который придет позднее, — голоса скрытого, глубокого и мистического существа внутри него, которое и есть его древнее «Я».

* Божественная природа открывается заново в каждой человеческой жизни, но человек равнодушно проходит мимо, и это открытие — словно семя, упавшее на каменную почву. Никто не исключен из божественного сознания, человек сам исключает себя. Люди задают формальные и претенциозные вопросы о тайне и смысле жизни, в то время как все: каждая птица на зеленой ветке, каждое дитя, держащееся за руку любимой матери, — разгадывает эту тайну, неся ответ на своем лице. Жизнь, рождающая тебя, О Человек, благородней и величественней самых далеких твоих мыслей; веру в ее благотворное отношение к тебе и послушание ее нежным приказам нашептывает твоему сердцу интуиция.

** Если человек думает, что может жить свободно, как обещают ему его необдуманые желания, и не нести ношу возможной расплаты, он связывает свою жизнь с пустыми грезами. Ибо кто бы ни грешил против собратьев или себя самого, даже скрыв грехи от зрения других людей, он не может скрыть их от всевидящих глаз богов. Справедливость по-прежнему непоколебимо управляет миром, хотя ее деяния часто незримы, а сама она не всегда встречается в каменных зданиях судов. Избежавший расплаты земного судебного наказания не избежит расплаты справедливого наказания богов. Немезида — безжалостная и неумолимая — обвиняет такого человека ежечасно.*

** Люди, которые побывали под горькими водами печали или прошли сквозь мрачные годы в тумане слез, быстрее поймут истину, которую всегда молчаливо произносит жизнь. Если они не постигнут большего, они получают трагическую мимолетность — вечную спутницу улыбки фортуны. Люди, не поддавшиеся обману счастливых часов своей жизни, будут меньше страдать от горестных своих часов. Ткань жизни соткана на основе удовольствия утком страдания. И ни один человек не может позволить себе идти с гордым и величественным видом. Это введет его в великие опасности. Только смирение — подходящая одежда в присутствии незримых богов, ибо они могут уничтожить за несколько дней приобретения многих лет. Судьба всего сущего движется по циклам, и только бездумный наблюдатель не заметит этого. Даже во вселенной каждый перигелий сменяется афелием. Так в жизни и судьбе человека поток благополучия может смениться упадком и нуждой, здоровье — стать непостоянным гостем, а любовь — прийти лишь для того, чтобы тут же уйти. Но и самая долгая ночь страдания умирает при первых проблесках рассвета новонайденной мудрости. Последний урок*

состоит в том, что вечное прибежище в человеке, незамеченное и невидимое, должно стать тем, чем было когда-то — его утешением. Иначе разочарование и страдание постоянно будут преследовать его. Ни один человек не счастлив настолько, чтобы боги позволили ему избежать этих двух великих учителей человечества.

** Человек почувствует безопасность, защиту, уверенность, только когда откроет, что сияющие крылья возвышенного обнимают его. Пока он упорствует во тьме, его лучшие изобретения станут его худшими помехами, а все, что приближает к материальной основе сущего, станет новым узлом, который он будет обязан развязать позднее. Ибо он неразлучно соединен со своей древней частью, внутренняя божественность никогда не покидает его, а он не может отбросить ее. Пусть он осознает это и передаст себя, свои земные заботы и тайное бремя прекрасной опеке лучшего своего «Я», и оно не подведет его. Пусть он сделает это, если хочет жить в милосердном покое и умереть с бесстрашным достоинством.*

** Если человек хоть раз увидел себя истинного, он никогда не возненавидит другого. Нет греха больше, чем ненависть, нет печали хуже, чем наследство земель, забрызганных кровью, которая неизбежно будет оплачена. Все всегда возвращается к тем, кто вызвал это. Пусть кто-то и надеется пройти мимо этого, но сами боги — незримые молчаливые свидетели ужасных деяний человеческих рук. Стенающий мир лежит в скорби вокруг нас, но и умиротворение скрыто в каждой душе; усталые люди в печалях и сомнениях, спотыкаясь, на ощупь, бредут по темным улицам жизни, однако великий свет льется на мостовые им под ноги. Ненависть покинет мир, если человек научится видеть лица собратьев своих не просто обычным дневным зрением, но видоизмененным зрени-*

ем своих божественных возможностей; если он сумеет воспринимать их с почтением, достойным творений, в чьих сердцах живет нечто родственное той Силе, которую люди называют Богом.

** Все истинно величавое в природе и вдохновенно прекрасное в искусстве рассказывает человеку о нем самом. Если священник терпит неудачу, художник подхватывает его забытое послание и дает людям намеки души. Кто бы среди тягот жизни не вызывал из памяти редкие моменты, когда красота сделала его обитателем вечности, он обязан превратить память в стимул поиска священного «Я». Он должен идти внутрь себя за покоем, приливом силы и блеском света в уверенности, что в миг прикосновения к себе истинному он найдет бесконечную поддержку и подлинную награду. Ученики роются подобно кротам среди растущих кип современных книг и древних манускриптов, которые очерчивают границы знаний, но они не узнают секрета глубже, истины выше, чем знание о божественности самого человеческого «Я». Тоска человеческих надежд может стихать с течением лет, но надежда бессмертной жизни, надежда на совершенную любовь, надежда на вечное счастье в конце концов исполнятся, ибо они — интуитивное предсказание неизбежности судьбы.*

** Мир чтит сокровенные мысли древних пророков и склоняется перед нормами благородного поведения, достоянием пыльных эпох. Но когда человек получает величественное открытие собственной звездной природы, он сокрушен. Все самое ценное из мыслей и чувств теперь само падает к его ногам. В монастырском покое его ума поднимаются видения не менее священные, чем у иудейских и арабских искателей, которые остаются божественным источником для своих народов. Тот же утренний лучезарный свет озарил Будду, и он принес людям весть о нирване. И*

такую всепоглощающую любовь пробуждает это понимание, что Мария Магдалина оплакала свою запятнанную жизнь у ног Иисуса.

** Пыль никогда не осядет на великолепии этих древних истин, хотя они оболганы с самых ранних дней появления рода человеческого. Никогда не существовало народа, который не получил бы намеков на более глубокую жизнь, чем открыто человеку. Кто бы ни был готов принять эти истины, он должен не только постичь их умом, чтобы они засверкали в его мыслях, как звезды среди астероидов, — нет, он должен принять их всем сердцем, и тогда они вдохновят его на божественное деяние.*

* * *

Я возвращаюсь в земные сферы, принуждаемый силой, которой не могу противостоять. Медленно и неспешно я осознаю свое окружение. Я по-прежнему сижу в зале Махарши, хотя он совершенно пуст. Настенные часы показывают время вечерней трапезы, я понимаю, что все ушли в столовую, и вдруг замечаю кого-то слева. Семидесятипятилетний бывший станционный смотритель сидит рядом на полу и доброжелательно взирает на меня.

— Вы были в духовном трансе почти два часа, — сообщает он. Его лицо в морщинах лет и забот, улыбается, словно он радуется моему счастью * .

* Читателю не стоит обманываться, будто такой опыт продолжителен и постоянен. Это только временный, но ценный взлет сознания. Я называю его «моментами просветления». Природа такого проблеска объясняется в последней главе моей книги «Духовный кризис человека». Чтобы получать и удерживать такой высокий уровень, нужно много работать над собой и развивать к себе правильное отношение. О философском просветлении написано в «Скрытом Учении за гранью йоги» и «Мудрости СверхЯ».

Я пытаюсь ответить и обнаруживаю, к своему изумлению, что не владею своей речью. Она возвращается только минут через пятнадцать. Тем временем старик добавляет:

— Махарши внимательно следил за вами все это время. Я верю, что это его мысли вели вас.

Мудрец возвращается в зал, ученики следуют за ним и ненадолго принимают прежние позы, чтобы потом отойти ко сну. Сам он садится на диван, скрестив ноги, а потом ставит локоть на правую лодыжку и подпирает подбородок ладонью правой руки, два пальца закрывают его шею. Наши глаза встречаются, и он внимательно смотрит на меня.

А когда помощник гасит фитили ламп в зале, следуя обычным вечерним приготовлениям, я снова поражен странным блеском в спокойных глазах Махарши. Они звездами горят в полутьме. Я напоминаю себе, что ни у кого не встречу глаза столь удивительные, как у одного из последних наследников Риши Индии. Если глаза человека могут отражать божественную власть, то ее отражают эти глаза мудреца.

Тяжелый аромат воскурения поднимается легкими спиралями, пока я смотрю в эти немигающие глаза. Сорок минут проходят, я ничего не говорю ему, а он ничего не говорит мне. К чему слова? Мы теперь лучше понимаем друг друга без них, ибо в полном молчании наши умы достигают прекрасной гармонии, и с ее помощью я получаю ясное непронесенное послание. В удивительном и памятном проблеске образа мыслей Махарши моя внутренняя жизнь начинает смешиваться с его.

* * *

В последующие два дня я сражаюсь с лихорадкой, ухитряясь не подпускать ее близко.

Старик приходит в мою хижину после полудня.

— Ваше пребывание среди нас заканчивается, брат мой, — говорит он с сожалением. — Но вы ведь вернетесь к нам однажды?

— Непременно! — отвечаю я решительно.

Когда он уходит, я подхожу к двери и смотрю на холм Священного Огня — Аруначалу, Священную Красную гору, как предпочитают ее называть местные жители. Она стала цветным фоном всей моей жизни; стоило мне только поднять глаза, что бы я ни делал — ел, гулял, разговаривал или медитировал, — ее необычная плоская вершина всегда была передо мной на улице или в окне. Она неотвратима в этой местности. Странные ее чары притягивают меня все неизбежней. Я задумываюсь, уж не этот ли необычный одинокий пик очаровал меня. Местное предание говорит, что она полностью пуста и внутри нее живут великие духи, невидимые глазу смертных. Я отвергаю этот рассказ, как детскую сказку. Но одинокий холм держит меня в могучем рабстве, хотя я видел холмы куда привлекательнее. Этот изломанный кусок природы, с красными валунами, раскиданными в беспорядке повсюду на его склонах, блистающими тусклыми огнями на солнце, обладает сильным характером и излучает ощутимое влияние, внушая благоговейный страх.

С наступлением сумерек я прощаюсь со всеми, кроме Махарши. Я ощущаю тихое удовлетворение, ибо моя битва за стойкость духа выиграна, и я выиграл ее, не пожертвовав ежедневным рационализмом взамен слепого доверия. Но чуть позднее Махарши выходит со мной во двор, и самодовольство вдруг покидает меня. Этот человек пленил меня, и мне очень жаль покидать его. Он притянул меня к своей душе невидимыми крючками крепче стали, хотя он искал только возрождения человека, освобождения его, а не порабощения. Он приглашал меня

в благотворное присутствие своего духовного «Я» и помогал мне, глупому западному человеку, перевести бессмысленные термины в живой и блаженный опыт.

Я затягиваю расставание, не в силах выразить полностью свои чувства. Темно-синее небо усыпано звездами, они бесчисленными гроздьями висят прямо у нас над головами. Луна поднимается тонким серебристым серпом. Слева от нас вечерние огни превращают двор в сияющую рощу, а плюмажи высоких пальм над нами стоят черными силуэтами на фоне неба. Мое приключение по изменению самого себя закончено, но поворот оси времени снова приведет меня сюда, я знаю. Я поднимаю ладони в прощальном приветствии, а затем бормочу короткое «прощайте». Мудрец улыбается и смотрит на меня сосредоточенно, но не говорит ни слова. Один последний взгляд на Махарши, последний проблеск в смутном свете фонаря высокой меднокожей фигуры с блистающими глазами, снова прощальный жест. Он машет правой рукой в ответ, и мы расстаемся. Я взбираюсь на повозку, запряженную буйволами; возница машет хлыстом, послушные создания выворачивают из двора на грубую тропу, а затем проворной рысцой бегут среди благоухающей жасмином тропической ночи.

Поль Брантон
**ПУТЕШЕСТВИЕ
В ТАЙНУЮ ИНДИЮ**

Ответственный редактор

Д.Н. Попов

Редактор

Н.В. Коноплёва

Корректор

Т.А. Щербинина

И.Л. Мурадова

Художник

Л.И. Большаков

Технический редактор

Н.К. Протасова

Подписано в печать 28.01.02
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 2000 экз. Заказ № 2170.

ИД № 01466 от 10.04.2000

ИДЛи

123022, г. Москва, а/я 9

тел.: (095) 205-23-78

E-mail: sfera@sfera.ru

**Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов на ГИПП «Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.**